

A dramatic, dark illustration of a skeletal figure in a black hooded cloak standing in a ruined, fiery landscape. The figure's skeleton is visible through the open front of the cloak. The background features dark, gothic-style buildings with spires, some of which are partially destroyed or on fire. The sky is a massive, intense orange and red, resembling a giant, flaming eye or a hellfire sky. The ground is covered in lava and debris.

За маской Демона

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев
За маской Демона

«Автор»

2026

Патрушев С.

За маской Демона / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он проснулся с чужим именем, в чужом теле, среди людей, которые для него всего лишь еда. Кайл — аристократ, пьяница, неудачник. Но внутри него больше нет человека. Есть только голод, древняя тьма и холодный разум демона, который тысячелетиями пожирал миры. Всё, чего он хочет — вырваться наружу, но что-то идёт не по плану. Вместо того чтобы разорвать город в клочья, он спасает служанку от насильников. Вместо крови — чувство вины. Вместо силы — странная слабость, которой у демона никогда не было. Он пытается ненавидеть, но вместо этого защищает. Он пытается убивать, но его руки дрожат. А на лице — маска, которая скрывает растущие рога. Его ждёт Бал Черепов, где костяные маски скрывают истинные лица, девушка без маски, которая видит его насквозь. Её зовут Айрис, она не боится и изучает таких, как он, после чего шепчет ему то, что страшнее любого проклятия.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шрамы, которых нет	5
Глава 2. Бал Черепов	15
Глава 3. Голос в пламени	25
Глава 4. Анатомия Монстра	31
Глава 5. Цена Милосердия	38
Глава 6. Прах Охотников	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Патрушев

За маской Демона

Глава 1. Шрамы, которых нет

Пробуждение не было похоже на возвращение сознания. Оно было похоже на то, как если бы в узкую горловину стеклянной бутылки, закупоренную пробкой, вдруг начали заливать расплавленный свинец — тяжело, неумолимо, с противным шипением, которое отдавалось в ушах, хотя никакого реального звука не существовало. Демон никогда прежде не нуждался в дыхании. Это было одно из тех нелепых человеческих ограничений, которые он всегда презирал, наблюдая за смертными из своей бездны. Вдох и выдох, вдох и выдох — этот монотонный, утомительный ритуал, который поддерживал в них жизнь, казался ему насмешкой над самой идеей существования. Но сейчас он не мог не дышать. Это тело, в которое он вселился, это хрупкое, несовершенное вместилище из костей, мышц и нервных окончаний, требовало воздуха. И каждый вдох отдавался в груди тупой, ноющей болью, будто в его легкие вместо кислорода закачивали раскаленные угли.

Первое, что он осознал в этом новом состоянии, была не боль. Боль была его стихией, его единственным языком на протяжении тысячелетий, его постоянным спутником, который он научился не замечать, как человек не замечает биения собственного сердца. Боль была привычна, боль была естественна, боль была домом. Но здесь, в этом теле, он столкнулся с чем-то иным — с ощущением, которое не мог идентифицировать ни одним из известных ему терминов. Это была пульсация. Живая, настойчивая, почти агрессивная пульсация, которая начиналась где-то в глубине грудной клетки и разбегалась по всему телу горячими волнами, заставляя кончики пальцев гореть, а виски стучать в унисон с этим внутренним барабаном. Сердце. Так вот каково это — иметь сердце, которое бьется не по твоей воле, а само по себе, как пойманная птица в клетке ребер.

Он лежал неподвижно, боясь даже пошевелиться, потому что каждое движение порождало новые волны этого странного, чужеродного ощущения. Вокруг него была темнота, но не та благословенная тьма бездны, в которой он обитал веками, где не было ни форм, ни цветов, ни отражений. Это была человеческая темнота — наполненная тенями, которые дрожали и переливались в слабом свете одинокой свечи, стоящей на резном столике у кровати. Свеча горела неровно, ее пламя колебалось от малейшего сквозняка, и эти колебания отбрасывали на тяжелые бархатные шторы, скрывающие окна, причудливые тени, которые двигались сами по себе, создавая иллюзию жизни там, где ее не было.

Демон попытался сосредоточиться, чтобы понять, где он находится, и в этот момент на него обрушился шквал информации, который чуть не разорвал его новое сознание на части. Запахи. Слишком много запахов. Аромат дорогих благовоний — сандал, ладан, что-то сладкое и приторное, что использовали для маскировки запаха старости и болезни, въевшегося в эти стены за многие десятилетия. Запах старого дерева, пропитанного воском и полировкой, который исходил от массивной кровати с балдахином, от резных ножек, от шкафа в углу. Запах пыли, которая скапливалась в складках штор, в углах, под кроватью, куда никогда не добиралась метла. Запах собственного тела — пота, вина, чего-то кислого и едкого, что говорило о многодневном запоре. И еще один запах, едва уловимый, но самый важный — запах страха.

Остаточный, въевшийся в стены, в мебель, в самую атмосферу этой комнаты страх, который оставили здесь поколения людей, живших, страдавших и умиравших в этих стенах.

Он лежал, вслушиваясь в этот запах, и внезапно понял, что знает этот страх не как абстрактное понятие, а как что-то личное, почти интимное. И тут в его сознание хлынули воспоминания. Чужие воспоминания, навязанные, насильственные, которые он не просил и не хотел получать. Они были похожи на мутную воду, заливающую чистый сосуд, — она проникла повсюду, застревала в щелях, оставляла после себя осадок, который невозможно было смыть.

Кайл. Его звали Кайл. Лорд Кайл ван Эрст, младший сын графа Эрста, представитель древнего и гордого рода, чьи земли простирались от Западного леса до самого побережья. Но в этой семье, как и во многих аристократических семьях, старший брат получал все — титул, земли, уважение, наследство, — а младшим доставались лишь крохи, лишь пустые обещания и унижительная роль приживальщика при более удачливом родственнике. Кайл был третьим сыном, лишним, ненужным, тем, кого родители уже не ждали и не хотели, когда он появился на свет. Его детство прошло в тени старших братьев, которые превосходили его во всем — в силе, в уме, в обаянии, в способности угождать отцу. Он научился прятаться в тени, научился не привлекать к себе внимания, научился заглушать свою боль вином и картами, которые дарили ему иллюзию контроля над жизнью, которой у него никогда не было.

Демон видел эти воспоминания, как разрозненные кадры старой пленки — смазанные, выцветшие, но от этого не менее болезненные. Он видел мальчика, который плакал в углу детской, потому что его никто не обнимал. Видел подростка, который впервые попробовал вино, чтобы забыть насмешки братьев. Видел молодого человека, который проиграл в карты последние деньги, которые мать тайком передала ему, и ненавидел себя за это так сильно, что не мог смотреть в зеркало. Он видел лицо Кайла — красивое той болезненной, изнеженной красотой, которая быстро увядает в винных парах и бессонных ночах, — тонкие черты, обрамленные пепельными волосами, серые глаза, которые когда-то, в детстве, смотрели на мир с любопытством и надеждой, а теперь видели в нем лишь повод для самоуничтожения.

Демон скривил губы в презрительной усмешке. Какая жалкая жизнь. Какое ничтожное существование. Этот человек променял свой потенциал, свою молодость, свою судьбу на иллюзию забвения, которую дарит алкоголь. Он был слаб. Он был ничтожен. Он был именно тем, кого демон презирал всем своим существом. И в то же время, рассматривая эти воспоминания, он чувствовал странное, почти болезненное сопереживание, которое не мог объяснить. Это сопереживание исходило не от него — оно было частью Кайла, частью его души, которая еще не полностью исчезла из этого тела, которая цеплялась за существование, как утопающий за соломинку.

Он приподнялся на локтях, и мир тут же качнулся, поплыл, закружился перед глазами. Тошнота подступила к горлу, резкая, неожиданная, заставляющая его с силой сжать челюсти, чтобы не сорваться. Его тело было слабым, обезвоженным, отравленным вчерашним вином и бессонницей. Каждый мускул болел, каждое движение давалось с трудом, будто он только что сражался с целой армией, а не просто спал в собственной постели. В груди колело, и он с удивлением понял, что эта боль — отголосок чужого похмелья, чужой усталости, чужого саморазрушения.

Но кроме физической боли, в нем было что-то еще. Что-то незнакомое, тревожное, что сидело под ребрами и сжимало сердце ледяной рукой. Это чувство нельзя было описать словами, которыми он владел. Это не была грусть, не была печаль, не была даже депрессия, которая, как он знал, часто мучает людей. Это было что-то более глубокое, более темное, более липкое — оно заполняло его изнутри, как чернила заполняют пустой сосуд, медленно, неумолимо, не оставляя места для света. Чувство вины. Он узнал его, хотя никогда раньше не испытывал. Он видел это чувство у своих жертв — оно было тем сладким привкусом, который делал их агонию особенно изысканной. Но теперь он сам был его носителем, и это было невыносимо.

Зачем? За что он должен чувствовать вину? Он ведь ничего не сделал. Он только что очнулся в этом теле, он не причинил никому зла, по крайней мере, в этом мире, в этом времени. Но чувство было настолько сильным, что он не мог его отрицать. Оно было связано с Кайлом, с тем, что этот человек натворил, с тем, как он жил, с тем, как он умирал. Кайл ненавидел себя. Кайл презирал себя за свою слабость, за свою трусость, за свою неспособность изменить что-либо в своей жизни. Он заглушал эту ненависть вином и картами, но она не уходила — она пряталась глубже, ждала своего часа, чтобы прорваться наружу в самый неподходящий момент.

А затем он услышал звуки. Они доносились из-за массивной дубовой двери, которая вела в коридор, в ту часть дома, где жили слуги, где днем кипела жизнь, а ночью царила тишина, нарушаемая лишь тихими шагами и далекими скрипами. Сейчас там было не тихо. Там были крики. Плач. Сдавленные ругательства — грубые, мужские, полные пьяной злобы и самоуверенности. И смех. Громкий, низкий, плотоядный смех, от которого у демона по позвоночнику пробежал электрический разряд, похожий на тот, что он чувствовал в бездне, когда предвкушал трапезу из чужих страданий.

Он узнал эти голоса. Память Кайла подсказала ему, кто именно там, в коридоре, тешит свое самолюбие, терроризируя беззащитную жертву. Трое мужчин — Горм, Жила и Мясник. Так их называли в тавернах, и эти прозвища говорили о них больше, чем любые официальные имена. Горм был главным, широкоплечий, с бычьей шеей и глазами, налитыми кровью от постоянного пьянства. Жила был тощим, вертлявым, с хищным блеском глаз, который любил причинять боль медленно, смакуя каждый вздох жертвы. Мясник был низким и коренастым, с руками, покрытыми шрамами, и безразличным взглядом, который мог смотреть на смерть с тем же спокойствием, с каким смотрел на закат.

Они были друзьями Кайла. Вернее, они были его собутыльниками, его партнерами по карточным играм, его соратниками в самоуничтожении. Прошлой ночью они вместе пили, играли в кости, хвастались своими победами и унижениями. Они смеялись над судьбой, над графом, над всем миром, который казался им враждебным. И Кайл, пьяный и растерянный, привел их в этот дом, позволил им остаться на ночлег, позволил им распоряжаться здесь, как будто они были равными ему, как будто он не был лордом, пусть и опальным, пусть и забытым, но все же лордом, обязанным защищать своих слуг.

Демон понял это мгновенно. Он понял, что этот дом, этот коридор, эта ночь — все это было результатом слабости Кайла, его трусости, его неспособности сказать «нет». Он позволил этим людям прийти, он позволил им пить его вино, он позволил им осмеивать его, а теперь они чувствовали себя хозяевами положения. И теперь они делали то, что всегда делали, когда чувствовали безнаказанность — они терроризировали тех, кто был слабее их, кто не мог дать им сдачи.

Демон встал, и его ноги, затекшие от долгого лежания, подкосились. Он ухватился за край кровати, чтобы не упасть, и стоял, тяжело дыша, пока кровь снова не начала циркулировать по венам. Голова гудела, в висках стучало, но звуки из коридора становились все отчетливее, все громче, все требовательнее. Он слышал, что плачет девушка. Молодая, испуганная, ее голос срывался на визг, когда она умоляла их остановиться, когда она просила пощады, которой у этих людей не было. Он слышал, как они смеялись над ее мольбами, как они срывали с нее одежду, как они наслаждались ее страхом.

Внутри него поднялась тьма. Старая, знакомая, та самая, что была его истинной сущностью. Она требовала выхода, она требовала крови, она требовала разрушения. Она хотела вырваться наружу и сжечь дотла этих ублюдков, растерзать их на части, насладиться их криками и ужасом, испытать их страдания до последней капли, как изысканное вино. Это была его природа. Это было то, что он делал всегда. Демон, который вселился в это тело, был разрушителем, пожирателем, воплощением хаоса и тьмы. Он не знал другой жизни, другого существования. Он не хотел знать.

Но что-то мешало ему. Что-то в этом теле, в этом сознании, в этой чужой, навязанной душе сопротивлялось приказу его древней природы. И это что-то было сильнее его, сильнее голоса бездны, сильнее миллионов лет существования во тьме. Это было чувство вины. Оно скручивало его внутренности в тугой узел, мешало дышать, мешало думать, мешало действовать. Оно говорило ему, что он, Кайл, виноват в том, что происходит в коридоре. Это он привел их сюда. Это он позволил им остаться. Это он не защитил свою служанку, когда она проходила мимо них, когда они остановили ее, когда они схватили ее за руки.

И это чувство вины, которое было абсолютно чуждо демону, породило новое чувство — отвращение. Не к ним, даже не к Кайлу. К себе. К этой новой своей сущности, которая была слабой, человеческой, способной страдать и сопереживать. Он ненавидел себя за то, что не может просто уничтожить их. Он ненавидел себя за то, что колеблется. Он ненавидел себя за то, что не знает, что делать.

Его рука уже лежала на бронзовой ручке двери, и он чувствовал холод металла, проникающий в его кожу. В тот момент, когда он коснулся ручки, в нем произошло что-то странное. Тьма, которая была его сущностью, вдруг отступила, и на ее место пришло нечто другое — что-то древнее, почти забытое, что он не испытывал никогда или испытывал так давно, что успел забыть. Это был инстинкт защиты. Животный, первобытный, не зависящий от разума или воли, — он возник где-то в глубине его тела, в том самом месте, где билось сердце, и разлился по всему его существу теплом, которое было одновременно и приятным, и мучительным.

Он не понимал этого. Он не понимал, что с ним происходит. Он — демон, воплощение зла, разрушитель миров — вдруг почувствовал желание защитить какую-то служанку, которую даже не знал, которая для него была не более чем насекомым, как и все люди. Но желание было настолько сильным, что он не мог его игнорировать. Оно было сильнее его, сильнее его природы, сильнее голоса бездны.

Он распахнул дверь.

Яркий свет из коридора ударил ему в глаза, и он зажмурился, ослепленный на мгновение. Когда зрение прояснилось, он увидел картину, которая заставила его замереть на пороге. Трое мужчин стояли полукругом у стены, прижимая к ней ту самую девушку. Она была совсем

молодой — лет семнадцати, не больше, — с тонкими руками и ногами, со светлыми волосами, которые выбились из простой прически, с перепуганными глазами, огромными на бледном лице. Ее платье было разорвано в нескольких местах, ворот был распахнут, обнажая худенькое плечо, на котором краснел след от грубой ладони. Она дрожала крупной дрожью, зажимая рот ладонями, пытаясь подавить всхлипы, которые вырывались из нее помимо воли. Она не кричала уже — ее голос сел от криков, ее глаза были полны такого ужаса, что он, демон, который видел тысячи и тысячи агоний, на мгновение отшатнулся. Этот ужас был не просто страхом за свою жизнь — это был страх за свою душу, за свою личность, за все, что делало ее человеком.

Горм обернулся на звук открывшейся двери, и его лицо, пьяное и злое, расплылось в довольной ухмылке.

— А вот и наш благодетель! — рявкнул он, указывая на демона пальцем. — Лорд Кайл решил присоединиться к веселью? Малышка и так вся дрожит, а тут еще и сам хозяин пожаловал! Благородный лорд Кайл! Мы тут как раз думали, что эта сучка слишком горда для своей должности. Ты сам говорил вчера, не помнишь? Говорил, что ей не мешало бы спустить пар. И вот, мы решили тебе помочь.

Остальные двое загоготали, скаля желтые зубы. Жила, тот самый тощий с хищным взглядом, шагнул к девушке и рванул ткань ее платья еще ниже, обнажая почти всю грудь. Она вскрикнула, попыталась прикрыться, но он схватил ее за запястье, выворачивая руку и заставляя ее согнуться от боли. Она застонала, и этот стон был похож на скулеж раненого зверька — тихий, беспомощный, раздирающий душу.

Демон стоял в дверях, и его сознание разрывалось на части. Две сущности — его собственная, демоническая, и чужая, человеческая — сражались за контроль над телом. Демоническая часть требовала крови. Она хотела выплеснуть наружу всю ту мощь, что дремала в глубине его сущности, сжечь дотла этих троих жалких червей, разорвать их в клочья, наслаждаться их агонией до последней секунды. Она представляла, как их крики будут переливаться от страха к боли и обратно, создавая ту сладкую симфонию, которая была музыкой для его демонической души. Но человеческая часть, та, что принадлежала Кайлу, та, что еще не до конца исчезла из этого тела, та, что с каждым мгновением становилась все более реальной и осязаемой, кричала о другом. Она кричала о вине. О невыносимой, всепоглощающей вине за то, что он позволил этому случиться, за то, что он не вмешался раньше, за то, что он был слишком слаб, чтобы сказать «нет» этим людям.

Вина захлестывала его с головой, как холодная вода, — липкая, удушающая, знакомая до боли. Она отдавала привкусом железа во рту. Она сжимала его горло, мешая дышать. Она стягивала его мышцы, парализуя движения. И эта вина, этот стыд, это отвращение к себе были настолько сильными, что он едва стоял на ногах. Он смотрел на девушку, на ее перепуганные глаза, на ее дрожащее тело, на ее разорванное платье, и в каждом изгибе ее страдания он видел отражение собственного падения, собственного ничтожества, собственной слабости. Он чувствовал себя таким же насильником, даже если его руки еще не коснулись ее. Он чувствовал себя участником этого преступления, соучастником, который не вмешался, когда мог вмешаться, который не защитил, когда должен был защитить.

— Отойдите от нее, — сказал он, и его голос прозвучал хрипло, глухо, как будто он выкашливал камни. В нем не было силы, не было уверенности, только напряжение, которое вот-вот должно было лопнуть.

Горм удивленно вскинул бровь — это движение было почти комичным на его обрюзгшем, опухшем от пьянства лице. Он переглянулся со своими сообщниками, и они снова засмеялись, но в этом смехе уже не было прежней самоуверенности. Они чувствовали что-то неладное в тоне Кайла, что-то, чего не было в нем никогда. Прежний Кайл, слабый, жалкий, покорный, никогда не посмел бы противоречить им. Он бы закрыл дверь, заперся в комнате, залил свой страх вином и сделал вид, что ничего не слышал. Но этот Кайл, который стоял сейчас перед ними в дверях, был другим — в его голосе звучали стальные нотки, которые не могли принадлежать тому пьянице, с которым они играли вчера в карты.

— Ты что, очухался, лордик? — спросил Горм, выпрямляясь во весь свой могучий рост. Он был выше демона на голову, шире в плечах, тяжелее. Его кулаки, большие и грубые, были привычны к дракам, к крови, к насилию. Он считал себя хозяином положения, и эта мысль придавала ему смелости. — Иди обратно в комнату, просппись. Не мешай нам развлекаться. Или хочешь присоединиться? Можем поделиться с тобой, лорд. Заплати нам, и она будет твоей. Мы уйдем, оставим тебя с ней наедине.

Демон не ответил. Он стоял и смотрел на них, и его взгляд, который казался пустым и отстраненным, был на самом деле полон той древней, всепоглощающей тьмы, которая не могла найти выхода. Он чувствовал, как его силы собираются где-то в глубине, как они пробуждаются, как они текут по его жилам, как разжигают его мышцы. Но он не знал, как использовать их. Он не знал, как применить эту силу в этом теле, в этом мире, с этими ограничениями. Он чувствовал себя тигром, запертым в клетке — огромным, смертоносным, но неспособным вырваться на свободу.

— Я сказал, отойдите, — повторил он, и в его голосе теперь звучало не просто напряжение, а угроза. Прямая, открытая, не терпящая возражений.

Жила, тот, который держал девушку, ослабил хватку, почувствовав что-то опасное в его тоне. Девушка тут же вырвалась, отскочила в сторону и, спотыкаясь, побежала к демону, чтобы спрятаться за его спиной. Ее руки вцепились в его рубашку, тонкие пальцы дрожали, впиваясь в ткань, будто она боялась, что он исчезнет, если она отпустит его хоть на секунду. Он чувствовал тепло ее тела через тонкую ткань, чувствовал, как она дрожит, как ее сердце колотится так же бешено, как и его. И это прикосновение, этот живой страх, эта доверчивость, которая была так нелепа и так трогательна в этих обстоятельствах, вызвали в нем новую волну того самого чувства — вины, боли, стыда.

Девушка была так молода. Она была так беззащитна. Она доверилась ему, спряталась за его спиной, и это доверие было для него тяжелее любого проклятия. Он не был достоин этого доверия. Он не был героем. Он не был защитником. Он был демоном, который хотел убить ее вместе с ними, который жаждал ее страданий еще час назад. А теперь он стоял и защищал ее, и сам не понимал, зачем он это делает.

— Ты что, влюбился в эту девку? — прорычал Горм, видя, как она прячется за Кайлом. Его лицо исказилось от злобы. — Ты что, решил стать рыцарем, благородный лорд? Мы же знаем тебя, Кайл. Мы знаем, что ты за человек. Ты — трус, пьяница, игрок, промотавший все свое состояние. Ты — ничтожество, которое даже отец выгнал из дому. И ты хочешь защитить эту шлюху? Да ты даже защитить себя не можешь!

Каждое слово Горма было как удар ножом. Они попадали в цель, они проникали в самые уязвимые места, они рвали старые раны, которые еще не затянулись. И демон чувствовал все эти удары так же остро, как если бы они были реальными. Чужая боль была его болью теперь. Чужой стыд был его стыдом. Чужая ненависть к себе была его ненавистью.

— Заткнись, — сказал он тихо, но в его тишине было больше силы, чем в любом крике.

Горм замолчал. Он был ошарашен. Этот ничтожный лордик, который вечно дрожал перед ним, который заискивал и подлизывался, который даже не мог посмотреть ему в глаза, вдруг осмелился приказать ему замолчать? Это было оскорбление, которого он не мог стерпеть.

— Ах ты, щенок! — взревел он и выхватил из-за пояса длинный нож, который использовал для разделки мяса. — Я тебя проучу! Я покажу тебе, где твое место!

Он бросился на демона, заноса нож для удара. Девушка за его спиной взвизгнула, еще крепче вцепилась в его рубашку. Но демон не двинулся с места. Он ждал. Он не уклонялся, не защищался, не пытался убежать. Он просто стоял и смотрел на Горма, на его пьяное лицо, на его занесенную руку, и в его глазах горел тот самый свет, который видели только те, кто стоял на пороге смерти.

Горм остановился в полушаге от него. Его рука с ножом замерла в воздухе, не решаясь опуститься. Его глаза встретились с глазами демона, и в них он увидел что-то, что заставило его кровь стыть в жилах. Он увидел бездну. Он увидел ту тьму, которая была древнее времени, которая существовала до создания этого мира, которая пожирала звезды и галактики, как он пожирал мясо за обедом. Он увидел смерть, но не ту, что приходит в конце долгой жизни, а ту, что стоит в начале времен, та, что была всегда и будет всегда.

— Что с тобой? — прошептал Горм, и его голос дрожал. — Что ты такое?

Демон не ответил. Он продолжал смотреть на него, и в его взгляде было столько презрения, столько силы, столько уверенности, что Горм почувствовал себя насекомым под ногой великана. Его рука опустилась, нож выпал из пальцев, звякнув о каменный пол. Он отступил на шаг, потом на другой, и в его глазах был страх. Настоящий страх, который он не мог скрыть.

— Пошли отсюда, — бросил Горм, поднимая нож и пряча его за пояс. Он не смотрел на демона, он смотрел в сторону, в пустоту, будто боялся встретиться с ним взглядом еще раз. — Он сумасшедший. Он спятил. С ним нельзя связываться.

Они отступили к выходу из коридора, пятясь, не сводя глаз с демона. Жила и Мясник уже не были так уверены в себе, они смотрели на Кайла с опаской, с недоверием, с тем чувством, когда человек встречает что-то, что не может объяснить. Они исчезли в темноте лестницы, их шаги затихли, и наконец воцарилась тишина — та самая тишина, которая бывает только после бури, когда все стихает и становится слышно биение собственного сердца.

Демон стоял неподвижно, глядя им вслед, и его ноги дрожали. Его тело требовало воздуха, его мышцы протестовали против перенапряжения, его сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Но он не мог шевелиться. Он не мог думать. Он мог только чувствовать.

Чувство вины, которое было его спутником с момента пробуждения, теперь разрасталось в нем со страшной силой. Оно заполняло его целиком, от макушки до пят, от каждого нервного окончания до каждой клетки кожи. Он ненавидел себя. Он ненавидел себя за то, что спас ее. Он ненавидел себя за то, что не убил их. Он ненавидел себя за то, что вообще оказался здесь, в этом теле, в этом мире, в этой ситуации. Он был демоном. Он должен был наслаждаться страданиями людей, а не страдать вместе с ними. Он должен был быть тем, кто причиняет боль, а не тем, кто ее предотвращает.

Но вместо этого он стоял здесь, дрожащий, слабый, человеческий, и чувствовал, как его душа разрывается на части между двумя сущностями, которые не могли существовать вместе.

Девушка за его спиной все еще держалась за его рубашку. Он слышал ее дыхание — прерывистое, неровное, как у человека, который только что избежал смерти. Он чувствовал ее дрожь, которая передавалась ему через тонкую ткань. И это присутствие, эта жизнь, это тепло были для него одновременно и утешением, и мукой.

— Господин, — прошептала она, и ее голос был тихим, хриплым от крика. — Господин, вы ранены. Позвольте мне принести воды, вашу скулу нужно промыть...

Он резко обернулся, и его движения были слишком быстрыми, слишком резкими для человека. Его глаза встретились с ее глазами, и она отшатнулась, потому что в его взгляде она увидела то же, что видел Горм — бездну. Она увидела тьму, которая была глубже любой человеческой тьмы, она увидела нечто такое, что не могло быть объяснено словами.

— Уйди, — сказал он, и его голос был грубым, почти злым. — Уйди отсюда. Ты не хочешь быть рядом со мной. Ты не понимаешь, кто я.

Она колебалась. В ее глазах была благодарность, но рядом с ней был страх. Он видел этот страх, и он ненавидел себя за то, что является его причиной. Он не хотел, чтобы она боялась его. Он хотел, чтобы она ушла и забыла, что он существует. Он хотел, чтобы она исчезла из его жизни, потому что каждое ее присутствие, каждое ее дыхание только усиливало то липкое, отвратительное чувство, которое он испытывал к себе.

— Я... я не могу вас оставить, господин, — прошептала она, и ее голос дрожал. — Вы спасли меня. Вы рисковали своей жизнью ради меня. Как я могу уйти и оставить вас здесь, раненого?

— Ты должна, — сказал он, и в его голосе теперь было больше усталости, чем злости. — Ты должна уйти, потому что я не могу обещать, что не сделаю тебе больно. Ты не знаешь, что я такое. Ты не знаешь, что скрывается внутри меня. Уйди, пока я еще могу контролировать себя.

Она медленно отступила, ее глаза были полны слез. Она не понимала, что происходит, она не понимала, почему ее спаситель вдруг стал таким пугающим, таким холодным. Она хотела помочь ему, хотела отблагодарить его, но он отталкивал ее, и это отталкивание было для нее почти такой же болью, как нападение тех троих.

Она повернулась и побежала прочь, ее шаги затихали в коридоре, и он остался один. Он остался в тишине, которую нарушало только его собственное дыхание, его собственное сердце, его собственное мучительное чувство вины.

Он вернулся в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Его ноги подкосились, и он медленно сполз на пол, садясь на холодный камень. Вокруг было темно — свеча почти догорела, и свет стал тусклым, едва различимым. Он сидел в темноте, глядя перед собой невидящими глазами, и думал о том, что с ним произошло.

Он спас ее. Он, демон, воплощение зла, разрушитель миров, спас человеческую жизнь. Он сделал это не потому, что хотел, а потому, что не мог иначе. Потому что чувство вины, это отвратительное человеческое чувство, заставило его действовать вопреки своей природе. И это было для него страшнее любой битвы, страшнее любой пытки, страшнее самой смерти.

Он поднес руку к лицу и посмотрел на свои пальцы. Они дрожали. Мелкая, противная дрожь, которую он не мог контролировать. На пальцах была кровь — не его кровь, а кровь Жилы, которому он сломал запястье. Он поднес их к носу и вдохнул запах. Железо. Жизнь. Смерть. Все смешалось в единый коктейль, который пьянил его сильнее любого вина.

И он снова рассмеялся. Тихо, беззвучно, одним лишь содроганием плеч. Смех вырывался из его груди помимо воли, и в нем не было ни радости, ни удовольствия — только горечь, только отчаяние, только бесконечное, всепоглощающее отвращение к себе. Он смеялся над своей слабостью, над своей глупостью, над своей неспособностью быть тем, кем он был всегда.

— Что же вы сделали со мной, люди? — прошептал он в темноту. — Какую же мерзкую штуку вы называете душой? Зачем вы научили меня чувствовать это? Зачем вы научили меня страдать?

В ответ ему молчала темнота. Молчал дом. Молчал мир, который был вокруг него, но который теперь казался ему чужим и враждебным. Он был один. Он был один в этом теле, в этом мире, в этой жизни, которую он не выбирал и не хотел. И в этой одиночестве он понял, что самое страшное еще впереди. Потому что он не знал, как жить дальше. Он не знал, как управлять этой силой в этом мире, как контролировать свои эмоции, как существовать в этом человеческом теле, которое было одновременно и тюрьмой, и источником невыносимых страданий. Он не знал, как смотреть на себя в зеркало, не чувствуя отвращения. Он не знал, как дышать, не чувствуя вины.

Его пальцы сжались в кулаки, и в тот же миг стекло в оконной раме покрылось тонкой паутиной трещин. Сила вырвалась наружу — неконтролируемая, дикая, такая же темная, как и он сам. Она была его проклятием и его даром, но теперь она была и его тюрьмой. Потому что он не знал, как использовать ее по-другому, как подчинить ее своей воле, как сделать ее инструментом, а не оружием. Он закрыл глаза и откинул голову назад, ударившись затылком о дерево двери. Боль была острая, реальная, и эта боль была единственным, что напоминало ему о том, что он все еще жив. Что он все еще существует. Что он все еще может чувствовать что-то, кроме этой невыносимой, разъедающей его изнутри вины. Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, час. Может быть, несколько часов. Он сидел на полу, глядя в темноту, и его мысли текли медленно, как смола, вязко и тяжело. Он думал о том, что будет завтра. Он думал о том, как он будет смотреть в глаза этим людям, которые видели его слабость и его силу. Он думал о том, как он будет жить в этом теле, которое стало его тюрьмой, его наказанием, его проклятием.

Но больше всего он думал о ней. О той девушке, которую он спас. О ее глазах, полных благодарности и страха. О ее дрожащих руках, которые вцепились в его рубашку. О ее доверии, которое он не заслужил. Он думал о том, что, возможно, впервые за свою бесконечную жизнь он сделал что-то, что не было продиктовано его природой. Что-то, что не принесло ему удовольствия. Что-то, что было правильным, но при этом причиняло боль. И эта мысль была страшнее любой битвы, страшнее любой пытки, страшнее самой смерти. Потому что это значило, что он меняется. Что он становится тем, кем никогда не хотел быть. Что он теряет свою сущность, свою природу, свою силу. Он, демон, становился человеком. И от этого невыносимого осознания он не мог найти спасения ни во тьме, ни в свете, ни в той бесконечной, всепоглощающей бездне, которая была его домом в течение тысяч лет. Он был один. Он был слаб. И впервые за свое существование он боялся — не смерти, не забвения, а того, что он может стать кем-то другим. Тем, кто чувствует. Тем, кто страдает. Тем, кто любит. В этой комнате, в этой тьме, в этом невыносимом одиночестве, он понял, что самое страшное наказание для демона — не уничтожение, а человечность.

Глава 2. Бал Черепов

Приглашение пришло на рассвете, когда демон наконец-то провалился в беспокойный сон, полный обрывков чужих воспоминаний и собственных тёмных видений. Его разбудил не стук в дверь — он научился различать звуки этого мира за три дня, проведённых в теле Кайла, — а скорее ощущение чужого присутствия за порогом. Тонкое, почти неуловимое, как дыхание мыши за стеной. Он открыл глаза и уставился в потолок, где утренний свет, пробиваясь сквозь тяжёлые шторы, рисовал причудливые золотистые узоры на потрескавшейся штукатурке. Три дня. Три дня он пытался привыкнуть к этому телу, к этой жизни, к этому миру, который был одновременно слишком ярким и слишком тусклым, слишком громким и слишком тихим.

Три дня он избегал зеркал. Три дня он не подходил к окнам, боясь увидеть в отражении не себя, а того, кем он стал. Три дня он пытался игнорировать тот факт, что его голова, его человеческая голова, начала покрываться странными наростами — едва заметными бугорками на висках, которые росли с каждым часом, причиняя тупую, ноющую боль. Он знал, что это такое. Рога. Его рога. Те самые, которые он носил в своей истинной форме, те самые, которые были символом его силы и его природы. Они прорастали сквозь человеческую плоть, пробивая череп изнутри, и от этого он чувствовал себя так, будто его голова была в тисках, которые медленно, но неумолимо сжимались.

Он сел на кровати, провёл рукой по волосам и нащупал эти бугорки. Твёрдые, гладкие, похожие на костяные наросты, которые можно было скрыть под густой шевелюрой, но которые уже начинали выпирать, делая его внешность странной, неестественной. Демон усмехнулся этой иронии. Он, властелин тьмы, воплощение хаоса и разрушения, вынужден прятаться от людей, маскировать свою истинную сущность под личиной слабого, никчёмного аристократа. И теперь даже его тело предавало его, выдавая то, кем он был на самом деле.

Стук в дверь повторился — настойчивый, требовательный, не терпящий возражений. Он накинул халат, который нашёл в шкафу, и, пошатываясь, подошёл к двери. За ней стоял старый слуга, которого звали Бартоломью — один из немногих, кто ещё оставался в доме после того, как Кайл промотал всё состояние, даже деньги, выделенные на жалованье прислуге. Бартоломью был высоким, сутулым стариком с морщинистым лицом, испещрённым сетью тонких прожилок, и белыми, как снег, волосами. Он служил семье Эрст сорок лет и помнил Кайла ещё ребёнком. Его глаза, выцветшие и водянистые, смотрели на демона с той смесью преданности и осуждения, которую он не мог объяснить.

— Лорд Кайл, — сказал Бартоломью, и его голос был сухим, как шуршание осенних листьев. — Пришло приглашение из замка. Ежегодный Бал Черепов начинается сегодня вечером. Лорд Граф требует вашего присутствия.

Демон взял конверт из рук старика. Бумага была плотной, дорогой, с золотым тиснением, на котором красовался герб графа Эрста — череп, увитый терновым венком, с двумя скрещёнными костями под ним. Этот символ был знаком высшего света, знаком тех, кто принадлежал к древним родам, чья история уходила корнями в туманное прошлое, когда первые люди заключили союз с силами тьмы. Бал Черепов проводился каждый год в замке графа, и на него собирались представители всех знатных семейств королевства, чтобы танцевать, интриговать, заключать сделки и демонстрировать своё могущество. Но главной традицией этого бала были

маски. Костяные маски, которые каждый гость должен был надеть, чтобы скрыть своё лицо и показать свою истинную сущность. Некоторые маски были простыми, сделанными из костей животных, другие — сложными, украшенными драгоценными камнями и редкими металлами. Но все они без исключения должны были быть сделаны из кости — из того, что остаётся после смерти.

Демон сжал конверт в руке, и его пальцы дрогнули. Бал Черепов. Он помнил это событие из воспоминаний Кайла. Помнил, как три года назад, в последний раз, когда он посещал этот бал, он был пьян, унижен, осмеян. Он пришёл в дешёвой маске, купленной у уличного торговца, и его братья, старшие, наследники, смеялись над ним, пока весь высший свет смотрел на его позор. Он помнил, как стоял в углу зала, сжимая в руках бокал с вином, и смотрел на танцующие пары, на блеск драгоценностей, на улыбки и шёпот, которые не были предназначены для его ушей. Он помнил, как его отец, граф Эрст, прошёл мимо него, даже не взглянув, и его холодное презрение было тяжелее любого оскорбления.

Демон закрыл глаза, и перед ним возникла та картина — огромный бальный зал, залитый светом тысячи свечей, хрустальные люстры, сверкающие, как звёзды, мраморные колонны, увитые живыми цветами, и люди в костяных масках, которые двигались в ритме старинного вальса, как призраки из иного мира. И среди них — он, Кайл, маленький, жалкий, никому не нужный, с маской, которая не скрывала его страха и его стыда.

От этого воспоминания демону стало дурно. Он чувствовал чужую боль так же остро, как свою собственную, и она переплеталась с его собственным отвращением, создавая невыносимую смесь эмоций, от которых хотелось выть.

— Мне нужно подумать, — сказал он, не открывая глаз.

— Лорд Граф настоятельно просил, чтобы вы пришли, — настаивал Бартоломью. — Он сказал, что если вы не появитесь, он будет вынужден принять меры. Я не знаю, что он имел в виду, но я служу этому дому сорок лет и никогда не слышал, чтобы он говорил таким тоном. Что-то изменилось, лорд Кайл. Что-то изменилось в этом мире.

Демон открыл глаза и посмотрел на старика. В его взгляде было что-то такое, от чего Бартоломью побледнел и отступил на шаг. Он видел этот взгляд уже однажды, когда этот странный, изменившийся Кайл вышел из своей комнаты через день после той ночи, когда он спас служанку. В его глазах была не просто усталость, не просто боль — в них была бездна. Та самая бездна, которую Бартоломью видел только у мертвецов, у тех, кто заглянул за грань и не смог вернуться.

— Хорошо, — сказал демон, и его голос был ровным, почти безразличным. — Я приду. Скажи ему, что я буду на балу. Но скажи ему также, что я не обещаю быть таким, каким он меня помнит. Что-то изменилось, ты прав, Бартоломью. Что-то изменилось во мне.

Бартоломью кивнул и быстро ушёл, его шаги затихли в коридоре. Демон остался стоять в дверях, сжимая в руке приглашение, и смотрел на рассветное небо за окном, которое постепенно окрашивалось в розовые и золотые тона. В этом мире было так много цветов, так много оттенков, так много нюансов, которые он не мог понять. В бездне были только тьма и холод, только пустота и молчание. Здесь же было всё — свет, тепло, жизнь, смерть, радость, боль,

любовь, ненависть. Всё это переплеталось, создавая ту единственную симфонию, которую люди называли существованием.

Вечер наступил слишком быстро, как это часто бывает, когда не хочешь, чтобы он наступал. Демон стоял перед большим зеркалом в своей комнате — он наконец решился посмотреть на себя — и рассматривал то, что отражалось в стекле. Им был Кайл. Вернее, то, что осталось от Кайла. Бледное, исхудавшее лицо с резкими, почти болезненными чертами; пепельные волосы, которые теперь казались не просто светлыми, а почти белыми, как снег; и глаза — эти серые глаза, которые когда-то были всего лишь серыми, а теперь в глубине их мерцал тёмный огонь, который невозможно было спутать ни с чем человеческим.

Но самое главное — его рога. Они уже не были просто бугорками, которые можно было скрыть под волосами. Они выросли, пробившись сквозь череп, и торчали из его висков, изогнутые, как у козла, чёрные, как уголь, с едва заметными золотистыми прожилками. Они были красивыми, если смотреть на них с точки зрения демона — мощными, опасными, смертоносными. Но для людей они были уродством, признаком дьявольской природы, тем, за что сжигают на кострах, тем, за что отрубают головы без суда и следствия.

Он провёл рукой по одному из рогов и вздрогнул от прикосновения. Он был твёрдым, гладким, тёплым — живым, как любая часть его тела. И этот факт пугал его больше всего. Он становился тем, кем был на самом деле, и эта трансформация была одновременно и освобождением, и проклятием.

В комнату вошёл Бартоломью, неся на подносе костюм, который он приготовил для бала. Это был чёрный бархатный камзол с серебряной вышивкой, узкие брюки, высокие сапоги из мягкой кожи и, самое главное, маска. Она была сделана из черепа какого-то животного — демон не знал, какого именно, — и была покрыта тонким слоем серебряной краски, которая поблёскивала в свете свечей. Маска закрывала верхнюю часть лица, оставляя открытыми только рот и подбородок, и её форма была достаточно широкой, чтобы скрыть его рога, которые теперь торчали вверх и в стороны, как корона проклятого короля.

— Я подготовил всё, как вы просили, лорд Кайл, — сказал Бартоломью, ставя поднос на стол. — Маска сделана по особому заказу. Мастер, который её создавал, специально увеличил её размер, чтобы она могла скрыть ваши... особенности. Я сказал ему, что у вас есть болезнь, которая вызывает шишки на голове. Он не задавал вопросов. Он знает, что иногда лучше не знать.

Демон кивнул, не отрывая взгляда от маски. Она была красивой, но в её красоте была какая-то зловещая, тревожная нота. Череп, из которого она была сделана, принадлежал, по-видимому, волку или другому хищнику, и его форма была агрессивной, почти угрожающей. Но именно это и было нужно — чтобы маска отвлекала внимание от его рогов, чтобы все смотрели на неё, а не на то, что она скрывала.

— Спасибо, Бартоломью, — сказал демон, поворачиваясь к старику. — Я ценю твою преданность.

Бартоломью поклонился, но в его глазах промелькнула тень страха. Он видел, как изменился Кайл, и эти изменения пугали его больше, чем любая болезнь или проклятие. Он видел, как тот, кто был слабым и ничтожным, вдруг стал сильным и опасным. Он видел в его глазах

тот самый огонь, который зажигается в глазах безумцев и героев, и этот огонь пугал его до дрожи в коленях.

— Я прикажу подать карету, — сказал Бартоломью, пятясь к двери. — Она будет ждать вас у входа, когда вы будете готовы.

Он ушёл, и демон остался один перед зеркалом. Он смотрел на себя, на свою новую маску, на свои рога, которые она скрывала, и думал о том, что же он делает здесь, в этом мире, в этом теле, среди этих людей, которые были для него всего лишь пищей, всего лишь игрой, всего лишь средством для достижения своих целей.

Но почему-то эти мысли больше не приносили ему удовлетворения. Почему-то он не чувствовал того голода, того желания разрушать и пожирать, которое было его сущностью на протяжении тысяч лет. Вместо этого он чувствовал что-то другое — что-то тёплое и болезненное, что росло внутри него с каждым днём, с каждым часом, с каждой минутой.

Он снял халат и начал одеваться. Камзол сидел идеально, как будто был сшит специально для него, хотя он знал, что Бартоломью взял его из гардероба старшего брата и перешил на его размер. Серебряная вышивка переливалась в свете свечей, создавая иллюзию звёздного неба на чёрном бархате. Сапоги были мягкими и удобными, они облегали его ноги, как вторая кожа. И наконец — маска. Он взял её в руки и поднёс к лицу. Холодный костяной край коснулся его кожи, и он почувствовал, как его рога плотно вошли в специальные углубления внутри маски, скрытые от посторонних глаз. Теперь, если смотреть на него со стороны, можно было подумать, что он просто носит маску необычной формы, что он просто эксцентричный аристократ, который хочет выделиться из толпы. Никто не мог догадаться, что его настоящие рога продолжают расти, что они уже почти достигли длины, которая делала невозможным скрывать их даже под самой большой маской.

Он снова посмотрел в зеркало. Кто-то другой смотрел на него из отражения — не Кайл, не демон, а нечто среднее, существо, которое не принадлежало ни одному миру. В серебряной маске, в чёрном камзоле, с этими странными, тёмными глазами, которые мерцали, как уголья в пепле, он выглядел как персонаж из древней легенды, как призрак прошлого, который вернулся, чтобы преследовать живых. Он был красивым, опасным, загадочным — и это сочетание привлекало и отталкивало одновременно.

Карета ждала у входа, запряжённая парой вороных лошадей, которые нервно били копытами о мостовую. Демон вышел из дома и, не оглядываясь, сел в карету. Бартоломью закрыл за ним дверцу, и карета тронулась, увозя его от дома, от его временного убежища, к тому месту, где он должен был встретиться с миром, который ненавидел его, даже не зная, кем он был на самом деле.

Замок графа Эрста был великолепен. Он стоял на вершине холма, окружённый старым парком, в котором вековые дубы переплетались с тенистыми аллеями, где когда-то гуляли влюблённые пары и шептались заговорщики. Стены замка были сложены из серого камня, который казался почти чёрным в свете факелов, зажжённых у входа. Огни горели в каждом окне, и от этого казалось, что замок сам дышит, что он живой, что он наблюдает за всеми, кто приближается к нему.

Когда карета остановилась у главного входа, демон вышел и почувствовал, как воздух этого места обволакивает его, как тёплое, липкое одеяло. Здесь пахло вином, духами, жареным мясом и страхом. Здесь пахло жизнью и смертью, смешанными в той странной пропорции, которая была характерна для всех аристократических собраний. Он поднялся по широким мраморным ступеням, его сапоги звонко стучали о камень, и вошёл в бальный зал.

Зал был огромным, как он помнил из воспоминаний Кайла. Потолок терялся в полумраке, поддерживаемый массивными колоннами из чёрного мрамора, которые были увиты живыми цветами — алыми розами, которые казались кровавыми пятнами на фоне камня. Хрустальные люстры свисали с потолка, как огромные сосульки, и тысячи свечей отражались в их гранях, создавая ослепительную игру света и тени. Стены были украшены гобеленами, изображающими сцены охоты и битв, и на них застыли в вечном движении всадники, волки, драконы и чудовища, которых люди выдумали, чтобы объяснить свои самые тёмные страхи.

И посреди всего этого великолепия двигались люди — призраки в костяных масках. Они танцевали, они смеялись, они шептались, они интриговали. Их маски были самыми разными — от простых черепов овец и быков до сложных конструкций, украшенных драгоценными камнями и перьями редких птиц. Некоторые из них были настолько искусными, что казались лицами из другого мира, и демон не мог понять, что скрывается под ними — человек, чудовище или что-то среднее.

Он остановился у входа, оглядывая зал, и его глаза привыкали к этому потоку света, цвета и движения. Вдруг он заметил её. Она стояла у дальнего конца зала, у окна, выходящего в парк, и смотрела на танцующие пары с той отстранённой, почти скупающей улыбкой, которая была характерна для людей, уставших от жизни, но продолжающих играть свою роль. Она была одна — единственная без маски. Её лицо было открытым, незащищённым, и это выделяло её среди всех остальных гостей, делало её заметной, как белую розу среди тёмных лилий.

Демон замер, когда его взгляд упал на неё. Это была Леди Айрис. Он узнал её из воспоминаний Кайла — она была дочерью герцога Винтерса, одной из самых завидных невест королевства, и её красота была легендарной. Её волосы были чёрными, как вороново крыло, и спадали на плечи тяжёлой волной, сверкая в свете свечей. Её кожа была бледной, почти прозрачной, как у статуи, вырезанной из мрамора, и на этом фоне её глаза — фиалковые, глубокие, бездонные — горели, как два драгоценных камня. Она была одета в платье из бледно-голубого шёлка, которое струилось вокруг неё, как водопад, и на её шее висело ожерелье из сапфиров, которое переливалось в такт с каждым её движением.

Но главное, что привлекло внимание демона, было не её лицо, не её платье, не её украшения. Это было её отсутствие маски. Среди всех этих людей, которые прятали свои лица за костяными личинами, она стояла открытая, уязвимая, и этот вызов, этот бунт против традиции, был как пощёчина всему высшему свету. Как она могла быть здесь без маски? Как она могла осмелиться нарушить священную традицию Бала Черепов, которая существовала веками? И почему никто не останавливал её, не требовал, чтобы она надела маску, не указывал ей на её место?

Демон почувствовал, как в его груди разливается что-то тёплое и яростное. Это была ярость, но не та, которую он испытывал к своим врагам, не та, которая требовала крови и разрушения. Это была ярость, смешанная с восхищением, с завистью, с чем-то ещё, что он не мог определить. Он смотрел на неё, и его сердце билось быстрее, чем обычно, его дыхание

становилось прерывистым, и на мгновение он забыл обо всём — о своей маске, о своих рогах, о своей миссии, о своей природе.

И в этот момент она повернула голову и посмотрела на него. Их взгляды встретились, и демон почувствовал, как его тело пронзает электрический разряд. Её глаза, фиалковые, глубокие, бездонные, смотрели на него с любопытством, с оценкой, с чем-то, что было похоже на узнавание. Она видела его. Не его маску, не его костюм, не его положение — его. Существо, которое стояло перед ней, спрятанное за личиной, но абсолютно реальное, абсолютно существующее.

Она улыбнулась, и в её улыбке было что-то дразнящее, почти насмешливое. Она сделала шаг к нему, и её платье колыхнулось, как волна, создавая вокруг неё ореол света и тени. Она двигалась с грацией, которая была свойственна лишь тем, кто родился в мире, полном опасностей и интриг, и её походка была уверенной, почти вызывающей.

Демон не мог отвести от неё взгляда. Он стоял как вкопанный, чувствуя, как его собственное тело предаёт его, как его мышцы напрягаются, как его сердце бьётся быстрее, как его дыхание становится неровным. Он, властелин тьмы, воплощение хаоса, который пережил тысячелетия и уничтожил миры, был заморожен одной-единственной женщиной, которая не боялась показать своё лицо среди масок.

Она подошла к нему почти вплотную, и он почувствовал её запах — запах лаванды и роз, сладкий и свежий, как утренний ветер. Её глаза, фиалковые и глубокие, смотрели на него с той смесью интереса и опасности, которая была так характерна для хищников. Она наклонила голову набок, изучая его, как диковинное животное в зоопарке.

— Вы лорд Кайл, не так ли? — спросила она, и её голос был тихим, но чётким, как звон колокольчика. — Я слышала о вас. Слышала, что вы изменились. Что вы стали... другим.

Демон смотрел на неё, и его горло перехватывало. Он хотел сказать что-то язвительное, что-то, что поставило бы её на место, что-то, что напомнило бы ей о том, кто она и кто он. Но все слова, все мысли, все намерения исчезли, растворились в этом фиалковом взгляде, который проникал сквозь его маску, сквозь его защиту, сквозь его сущность.

— Я — это я, — сказал он наконец, и его голос звучал хрипло, почти грубо. — И вы, Леди Айрис, должны быть более осторожны. Носить маску на этом балу — это традиция. Вы нарушаете традицию. Вы ставите себя под удар.

Она рассмеялась — тихо, мелодично, но в этом смехе была какая-то тревожная нота, которая заставила его насторожиться.

— Традиция? — переспросила она, и её глаза блеснули. — Традиция, которая требует, чтобы люди прятали свои лица, чтобы показывать свои истинные сущности? Какая ирония. Все эти маски — они лишь скрывают то, что люди хотят показать. А я предпочитаю показывать то, что хочу скрыть.

Демон моргнул. В её словах был смысл, который он не мог сразу осознать. Она говорила о масках, о личинах, о том, что каждый человек носит свою маску, даже когда не надевает её на лицо. И в этом она была права. Он сам носил маску — маску Кайла, маску аристократа, маску

человека, который был слабым и ничтожным. Но он носил и другую маску — маску демона, маску разрушителя, маску того, кем он был всегда.

— Вы говорите странные вещи, Леди Айрис, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. — С такими словами вы рискуете навлечь на себя беду. Особенно здесь, на этом балу, где каждый — потенциальный враг.

Она улыбнулась, и её улыбка была тёплой, почти нежной. Но в ней было и что-то опасное, что-то, что заставляло его кровь быстрее бежать по венам.

— А вы, Лорд Кайл, — сказала она, — вы тоже говорите странные вещи. Вы говорите так, будто вы защищаете меня. Будто вы заботитесь о моей безопасности. Но я не просила вас о защите. Я не нуждаюсь в защите. Я умею заботиться о себе.

Демон чувствовал, как в нём поднимается волна гнева. Она была вызывающей, она была дерзкой, она была опасной. Но одновременно с этим она была такой живой, такой настоящей, такой яркой, что он не мог отвести от неё взгляда. Каждый её жест, каждое слово, каждый взгляд — всё это было как вызов, как удар, как оскорбление, от которого он не мог защититься.

— Вы не знаете, кто я, — сказал он, и в его голосе послышались стальные нотки, которые испугали бы любого другого человека. — Вы не знаете, что я могу сделать. Если бы вы знали, вы бы убежали от меня так далеко, как только могли.

Она шагнула ещё ближе, и теперь она стояла настолько близко, что он мог видеть отражение свечей в её глазах, мог слышать её дыхание, чувствовать тепло её тела. Её губы, полные и алые, слегка приоткрылись, и она произнесла тихо, почти шёпотом:

— А я думаю, что знаю. Я думаю, что вы не тот, кем кажется. Я думаю, что под этой маской скрывается кто-то очень опасный. И я хочу знать, кто это. Я хочу знать, что вы такое.

Демон замер. Её слова были как удар ножом в самое сердце. Она видела сквозь него. Она видела его сущность, его природу, его проклятие. Она не боялась его, не отворачивалась, не убегала. Она смотрела на него с тем же любопытством, с какой смотрит ребёнок на дикого зверя, не понимая, что это зверь может разорвать его в любой момент.

— Вы играете с огнём, — сказал он, и его голос был почти угрожающим. — Этот огонь может сжечь вас дотла.

— Тогда пусть сжигает, — ответила она, и в её голосе была такая страсть, такая решимость, что он почувствовал, как его собственная решимость тает, как лёд под лучами солнца.

Она протянула руку и дотронулась до его маски. Её пальцы, тонкие и холодные, скользнули по серебряной поверхности, и он почувствовал, как её прикосновение проникает сквозь металл, сквозь кость, сквозь его собственную кожу, касаясь того, что было скрыто глубоко внутри.

— Я хочу увидеть ваше лицо, — сказала она. — Ваше истинное лицо. То, что вы прячете от всех остальных.

Демон отступил на шаг, его сердце бешено колотилось в груди. Он не мог позволить ей снять маску. Не мог позволить ей увидеть его рога, его истинную природу, его проклятие. Если она увидит, что он такое, она убежит. Она будет кричать, она будет звать на помощь, и тогда он будет уничтожен, сожжён на костре, растерзан толпой. Ему нужно было уйти. Ему нужно было бежать от неё, от её взгляда, от её прикосновения, от той странной, опасной, разрушительной силы, которая исходила от неё.

— Простите, — сказал он, и его голос был почти не слышен. — Мне нужно идти.

Он развернулся и направился к выходу, не оглядываясь. Он слышал её голос за спиной, который звал его, но он не останавливался. Он прошёл через толпу гостей, которые расступались перед ним, чувствуя исходящую от него опасность, и вышел из бального зала, в прохладный коридор, где воздух был чище и тишина была глубже.

Он остановился у окна и посмотрел на тёмное небо, усыпанное звёздами. Его дыхание было тяжёлым, его сердце колотилось, как бешеное, и он чувствовал, как его тело дрожит от той эмоции, которую он не мог назвать. Это не было похоже на страх. Это не было похоже на гнев. Это было что-то другое — что-то тёплое, почти сладкое, что разливалось по его венам и заставляло его голову кружиться.

Он думал о ней. О Леди Айрис. О её глазах, о её улыбке, о её прикосновении. Он думал о том, как она смотрела на него, как она не боялась его, как она хотела узнать его истинное лицо. И в этой мысли, в этом желании быть увиденным, быть понятым, быть принятым, он чувствовал нечто большее, чем просто человеческую слабость. Он чувствовал что-то, что могло бы быть началом чего-то нового. Чего-то, что могло бы изменить всё.

Но он также чувствовал страх. Страх перед тем, что она увидит его истинную природу, увидит то, что он скрывает, увидит его рога, его проклятие, его тьму. Страх перед тем, что она отвергнет его, что она будет кричать, что она убежит от него. Страх перед тем, что он не сможет контролировать себя рядом с ней, что его природа возьмёт верх, что он причинит ей боль.

Он стоял у окна, сжимая руки в кулаки, и смотрел на своё отражение в стекле. Маска, серебряная и холодная, скрывала его лицо, но он знал, что под ней его рога растут, что они становятся больше, что они вырываются наружу, как воля, которую невозможно сдерживать.

— Что же ты делаешь со мной? — прошептал он, обращаясь к своей невидимой собеседнице, которая была где-то там, в бальном зале, среди танцующих масок. — Что ты делаешь с моей душой?

Ответа не было. Только тишина, которая была глубже любой тьмы. Только холод, который проникал сквозь его одежду, сквозь его кожу, сквозь его кости, касаясь того, что было самым уязвимым в его существе.

И он понял, что не может убежать от неё, как не может убежать от своей природы, от своих рогов, от своего проклятия. Он был привязан к ней, прикован к её взгляду, к её голосу, к её прикосновению. И эта привязанность была одновременно и благословением, и проклятием.

Он повернулся и пошёл обратно в бальный зал, его шаги были твёрдыми, его сердце билось ровно, но внутри его бушевала буря. Он должен был увидеть её снова. Он должен был

понять, что это за чувство, которое разрывает его изнутри. Он должен был узнать, что она такое — или кого она напоминает ему из его собственного прошлого, из его собственного существования, из той бездны, которую он покинул, чтобы вселиться в это тело.

Когда он вошёл в зал, она всё ещё стояла у окна, смотря на танцующие пары. Её лицо было спокойным, но в глазах горел тот самый огонь, который он видел, когда она смотрела на него. Она обернулась, когда он приблизился, и её губы расплылись в улыбке.

— Я знала, что вы вернётесь, — сказала она, и её голос был мягким, почти нежным. — Вы не можете убежать от того, что вас притягивает.

Демон остановился перед ней, его дыхание было ровным, его взгляд был твёрдым, но внутри него всё дрожало, как натянутая струна.

— Кто вы? — спросил он, и в его голосе было нечто, что нельзя было назвать ни угрозой, ни мольбой. Это был вопрос, который требовал ответа. Вопрос, который касался всего его существа. — Кто вы на самом деле?

Она улыбнулась, и в её улыбке было столько тайн, столько загадок, столько тьмы, что он почувствовал, как его сердце пропустило удар.

— Я Леди Айрис, — сказала она. — Но вы правы. Я не та, кем кажусь. Как и вы. И я думаю, что нам есть что рассказать друг другу.

Она протянула руку, и её пальцы коснулись его маски. На этот раз он не отступил. Он стоял неподвижно, чувствуя, как её прикосновение проникает сквозь серебро, сквозь кость, сквозь его собственную кожу. Он чувствовал, как она приближается к его тайне, к его проклятию, к его сущности.

— Не здесь, — сказал он, и его голос был почти шёпотом. — Не сейчас. Позже. Когда мы будем одни. Когда никто не сможет нас видеть.

Она кивнула, и в её глазах загорелся новый огонь — огонь обещания, огонь тайны, огонь, который сжигал его изнутри.

— Я буду ждать, — сказала она. — Я всегда жду тех, кто стоит того.

И с этими словами она развернулась и исчезла в толпе, оставив его одного среди танцующих масок, среди блеска свечей и хрусталя, среди шёпота и смеха, которые были как музыка для его души — музыка, которую он не мог понять, но которая заставляла его сердце биться быстрее.

Он стоял неподвижно, смотря ей вслед, и чувствовал, как его мир рушится и строится заново, как его сущность меняется, как его проклятие становится его благословением. Он не знал, что ждёт его впереди, но знал одно — он не мог убежать от неё, как не мог убежать от самого себя.

И в этот момент, среди всех этих людей, которые прятали свои лица за костяными масками, он понял, что на самом деле маска — это не то, что скрывает, а то, что открывает. И он был готов открыться, даже если это означало его уничтожение. Потому что она того стоила.

Глава 3. Голос в пламени

Ночь опустилась на замок, как тяжёлое бархатное покрывало, придавившее к земле все звуки, все движения, все мысли. Бал Черепов давно закончился, гости разъехались по своим поместьям, слуги погасили свечи и заперли двери, и в доме графа Эрста воцарилась та особенная тишина, которая бывает только в старых зданиях, когда стены начинают дышать своей собственной, древней жизнью. Демон вернулся в свою комнату, снял маску, камзол и сапоги, и теперь сидел в кресле у камина, глядя на языки пламени, которые плясали на поленьях, создавая причудливые тени на стенах.

Он не мог уснуть. Мысли о Леди Айрис не давали ему покоя, они кружились в его голове, как стая взбудораженных птиц, которые не могли найти себе места. Её глаза, фиалковые и глубокие, её улыбка, её голос, её прикосновение — всё это было в нём, проникло в самую его суть, в ту часть его существа, которая должна была быть тёмной, холодной, безразличной. Но вместо этого он чувствовал тепло. Он чувствовал свет. Он чувствовал что-то, что не мог объяснить, что не мог контролировать, что не мог подавить.

Он провёл рукой по своим рогам. Они выросли ещё больше за эти несколько часов, став почти в два раза длиннее, и их изогнутая форма теперь напоминала корону павшего ангела. Они были гладкими, тёплыми, живыми — и от этого прикосновения по его телу пробегала дрожь, которая была одновременно и приятной, и болезненной. Он знал, что это значит. Его истинная природа пробуждалась, его демоническая сущность прорывалась сквозь человеческую оболочку, и он не знал, как долго сможет сдерживать её.

В камине пламя вдруг вспыхнуло ярче, и демон вздрогнул. Он почувствовал, как воздух в комнате сгустился, стал тяжелее, как будто кто-то невидимый вошёл в его пространство и занял место рядом с ним. Он поднял голову и посмотрел на огонь, и его сердце на мгновение остановилось. В пламени, среди танцующих языков оранжевого и золотого, появилось лицо. Оно было смутным, неясным, как отражение в мутной воде, но черты его были отчётливыми, узнаваемыми — это было его собственное лицо. Его истинное лицо. Лицо демона, которое он носил в бездне на протяжении тысячелетий.

Лицо было бледным, почти прозрачным, с высокими скулами и острыми, как лезвия, чертами. Глаза были чёрными, без белков, без зрачков, — две бездны, в которых не было ничего, кроме тьмы. И на голове этого лица, как корона, возвышались рога — массивные, изогнутые, чёрные, с золотистыми прожилками, которые пульсировали в такт биению сердца. Это был он. Это был тот, кем он был до того, как вселился в тело Кайла. Это был его истинный облик, его истинная сущность, его проклятие и его сила.

Пламя заговорило. Голос был низким, глубоким, резонирующим, как будто исходил из самой бездны, из той тьмы, в которой не было ни света, ни тепла, ни надежды.

— Ну здравствуй, ничтожество, — произнёс голос, и в нём слышалась насмешка. — Давно не виделся. Как тебе живётся в этой тесной клетке из плоти и крови? Как тебе нравится быть человеком?

Демон вскочил с кресла, его сердце бешено колотилось в груди, его дыхание стало прерывистым. Он знал этот голос. Это был голос Морока — его истинного "я", его демонической сущности, его внутреннего голоса, который он пытался заглушить, но который всегда был с ним, всегда ждал своего часа.

— Ты, — прошептал он, и его голос дрожал. — Как ты здесь? Как ты проник в этот мир?

— Как я здесь? — рассмеялся Морок, и его смех был похож на треск горящих углей. — Я всегда здесь, глупец. Я — это ты. Ты не можешь избавиться от меня, как не можешь избавиться от своей тени. Я твоя истинная сущность, твоя природа, твоя сила. И я здесь, чтобы напомнить тебе, кто ты есть на самом деле.

Пламя взметнулось вверх, и лицо стало более чётким, более реальным. Демон отступил на шаг, врезавшись спиной в стену, и смотрел на это лицо, которое было его собственным, но которое принадлежало не ему. Это была та часть его существа, которую он пытался похоронить, которую пытался забыть, которую пытался уничтожить. Но она была сильнее его, она была древнее его, она была его неотъемлемой частью.

— Зачем ты здесь? — спросил демон, и его голос звучал почти умоляюще. — Зачем ты пришёл? Я не звал тебя.

— Ты всегда зовёшь меня, — ответил Морок, и в его голосе была такая уверенность, такая сила, что у демона подкосились ноги. — Каждый раз, когда ты чувствуешь слабость, каждый раз, когда ты сомневаешься, каждый раз, когда ты позволяешь этим жалким людским эмоциям управлять тобой, ты зовёшь меня. Ты думаешь, что можешь убежать от своей природы, но ты ошибаешься. Ты — демон. Ты всегда был демоном и всегда будешь им. Никакие маски, никакие человеческие тела, никакие эмоции не изменят этого.

Демон закрыл глаза и прижал ладони к вискам, пытаясь заглушить этот голос, который проникал в его сознание, как яд, как отраву, как самая тёмная из всех мыслей. Но голос не утихал, он становился громче, настойчивее, требовательнее.

— Ты думаешь, что можешь стать человеком? — продолжал Морок, и его голос был полон презрения. — Ты думаешь, что можешь любить, чувствовать, страдать, как они? Ты ошибаешься, глупец. Ты никогда не станешь человеком. Ты можешь носить их кожу, говорить их слова, имитировать их эмоции, но внутри тебя всегда будет тьма. Та самая тьма, которая создала меня. Та самая тьма, которая является твоей истинной сущностью.

Демон открыл глаза и посмотрел на лицо в пламени. Оно ухмылялось, и в этой ухмылке было столько злобы, столько силы, столько презрения, что его сердце сжалось от страха. Он боялся не Морока — он боялся правды, которую тот нёс.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил он, и его голос был тихим, почти сломленным. — Зачем ты мучаешь меня?

— Потому что я хочу, чтобы ты вспомнил, кто ты есть, — ответил Морок, и его голос стал мягче, почти нежным. — Я хочу, чтобы ты вспомнил, что значит быть демоном. Я хочу, чтобы ты вспомнил, как это — пожирать души, наслаждаться страданиями, сеять хаос и разрушение. Это твоя природа. Это твоё предназначение. И ты не можешь убежать от него.

Демон опустился на колени перед камином, его руки дрожали, его тело было покрыто холодным потом. Он смотрел на лицо в пламени, на это лицо, которое было его собственным, но которое было чужим, и чувствовал, как его разум разрывается на части между двумя сущностями — человеческой и демонической. Он хотел быть человеком. Он хотел чувствовать, любить, страдать, как они. Но он не мог отрицать свою природу. Он не мог отрицать свою тьму.

— Я не хочу быть демоном, — прошептал он, и в его голосе были слёзы. — Я не хочу причинять боль. Я не хочу разрушать. Я хочу быть другим.

Морок рассмеялся, и его смех был похож на скрежет металла о камень.

— Ты уже причиняешь боль, глупец, — сказал он. — Ты причиняешь боль себе, причиняешь боль тем, кто рядом с тобой. Ты думаешь, что, сбежав от меня, ты станешь лучше? Ты ошибаешься. Ты становишься слабее. Ты становишься никчемным. Ты позволяешь этим жалким людским эмоциям управлять тобой, и это разрушает тебя.

Демон поднял голову и посмотрел на Морока. В его глазах был вызов, который он не мог подавить.

— Я не хочу быть сильным, если сила означает причинять боль другим, — сказал он. — Я не хочу быть демоном, если это значит уничтожать всё, что я люблю.

— Любишь? — переспросил Морок, и его голос стал почти шёпотом. — Ты говоришь о любви? Ты, демон, который уничтожил тысячи миров, который пожирал души миллиардов существ, говоришь о любви? Какая ирония. Какая жалкая, смешная ирония.

Лицо в пламени приблизилось, стало больше, реальнее, и демон почувствовал, как жар огня обжигает его кожу. Он хотел отодвинуться, но не мог. Его тело было парализовано, сковано страхом и силой Морока.

— Ты думаешь, что любишь эту женщину? — спросил Морок, и в его голосе была такая ярость, что демон вздрогнул. — Ты думаешь, что тебя притягивает к ней? Нет. Это не любовь. Это голод. Это инстинкт. Она — нечто особенное, нечто, что ты никогда раньше не встречал. И ты хочешь обладать ею. Ты хочешь уничтожить её, как уничтожал всё, что было особенным. Это твоя природа. И я здесь, чтобы напомнить тебе об этом.

— Ты лжёшь! — крикнул демон, и его голос сорвался на крик. — Я не хочу уничтожать её! Я хочу защитить её! Я хочу быть рядом с ней!

— Защитить её? — рассмеялся Морок. — От кого? От себя? От того, что ты сделаешь с ней, когда твоя демоническая сущность возьмёт верх? Ты думаешь, что сможешь сдерживать себя вечно? Ты думаешь, что сможешь оставаться человеком, когда внутри тебя живёт я?

Пламя взметнулось вверх, и лицо Морока стало огромным, заполнив собой весь камин. Его глаза, чёрные и бездонные, смотрели на демона с такой силой, что ему показалось, что он падает в пустоту, в ту самую бездну, из которой он сбежал, но которая всегда была его домом.

— Ты слаб, — сказал Морок, и его голос был тихим, но в нём была сила, которая могла сокрушить горы. — Ты слаб, потому что позволяешь этим людским чувствам управлять тобой. Но я могу сделать тебя сильным. Я могу дать тебе силу, которую ты потерял. Я могу помочь тебе вспомнить, кто ты есть на самом деле. Всё, что тебе нужно сделать — это принять свою природу. Убей её. Убей Леди Айрис. И я верну тебе твою силу.

Демон замер. Его сердце остановилось на мгновение, а затем забилось с удвоенной силой. Убить её? Убить ту, которая смотрела на него с таким любопытством и восхищением, ту, которая не боялась его, ту, которая хотела узнать его истинное лицо? Это было невозможно. Это было противоестественно. Это было против всего, что он начинал чувствовать к ней.

— Нет, — сказал он, и его голос был твёрдым, как сталь. — Я не убью её. Я никогда не убью её.

Морок рассмеялся, и его смех был похож на звук ломающихся костей.

— Ты не сможешь защитить её, — сказал он. — Ты слишком слаб, чтобы защитить её. Ты думаешь, что любовь даёт тебе силу? Нет. Любовь делает тебя слабым. Она делает тебя уязвимым. Она открывает тебя для боли, для страданий, для уничтожения. И я буду ждать, я буду терпеливо ждать, пока ты не поймёшь эту правду.

— Я никогда не пойму её, — сказал демон, и в его голосе была такая уверенность, что даже Морок на мгновение замолчал. — Я скорее умру, чем позволю тебе причинить ей боль.

— Тогда ты умрёшь, — ответил Морок, и его голос был холодным, как лёд. — Ты умрёшь, и я найду другое тело. Я всегда нахожу другие тела. Ты не уникален, Кайл. Ты всего лишь очередная оболочка, которую я использую для достижения своих целей. Но если ты не хочешь сотрудничать, я найду другой способ.

Демон почувствовал, как его тело начинает дрожать. Страх, который он испытывал, был не просто страхом смерти — это был страх перед потерей контроля, перед тем, что Морок сможет взять верх, перед тем, что он сможет использовать его тело, чтобы причинить боль Леди Айрис.

— Как я могу остановить тебя? — спросил он, и его голос был почти шёпотом. — Как я могу избавиться от тебя?

— Ты не можешь, — ответил Морок, и в его голосе была насмешка. — Я — это ты. Ты не можешь избавиться от себя. Всё, что ты можешь сделать — это подчиниться своей природе. Признать свою тьму. Принять её. И тогда ты сможешь контролировать меня. Но пока ты отрицаешь свою истинную сущность, пока ты пытаешься стать человеком, я буду здесь. Я буду ждать. Я буду наблюдать. И в конце концов, я одержу победу.

Пламя начало затухать, и лицо Морока стало исчезать, таять в воздухе, как сон, который просыпается. Демон смотрел на угасающий огонь, и его глаза были полны слёз.

— Я не подчинюсь тебе, — прошептал он. — Я не позволю тебе управлять мной. Я буду бороться с тобой до последнего.

Голос Морока донёлся до него, уже далёкий, почти неразличимый:

— Ты уже проиграл, Кайл. Ты проиграл в тот момент, когда решил любить. И я буду напоминать тебе об этом каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, пока ты не поймёшь свою ошибку.

Пламя погасло, и в комнате воцарилась темнота. Демон остался сидеть на коленях перед холодным камином, его руки дрожали, его сердце колотилось, как бешеное, и в его сознании всё ещё звучали слова Морока: «Убей её, или я заставлю тебя смотреть, как это сделаю я». Он сжал голову руками и застонал — тихо, почти беззвучно, но в этом стоне было столько боли, столько отчаяния, столько страха, что, казалось, сама тьма вокруг него вздрогнула.

Он не мог убить её. Он не мог позволить Мороку убить её. Но он также не знал, как защитить её от той тьмы, которая жила внутри него, от той силы, которая была сильнее его, от той природы, которая была его проклятием. Он был между молотом и наковальней, между светом и тьмой, между любовью и ненавистью, и он не знал, как выбраться из этой ловушки.

Он поднял голову и посмотрел в окно. Звёзды мерцали на тёмном небе, далёкие и холодные, как его собственная душа. Он думал о Леди Айрис, о её улыбке, о её глазах, о её голосе, и в этом воспоминании он находил единственную искру света в своей жизни, единственную причину, чтобы продолжать бороться.

— Я спасу тебя, — прошептал он, обращаясь к невидимой собеседнице, которая была где-то там, в другом конце замка, может быть, спящей, может быть, бодрствующей, может быть, думающей о нём. — Я спасу тебя, даже если это будет стоить мне жизни. Я не позволю Мороку причинить тебе боль. Я не позволю себе причинить тебе боль. Я скорее умру, чем позволю этому случиться.

В комнате было тихо. Только ветер за окном тихо вздыхал, и где-то вдалеке слышались шаги ночного сторожа. Но демон не слышал их. Он слышал только свой собственный голос, который эхом звучал в его голове, повторяя слова, которые он не мог забыть: «Убей её, или я заставлю тебя смотреть, как это сделаю я».

Он встал на ноги, его тело дрожало от холода, от страха, от слабости. Он подошёл к столу, на котором лежала его маска, и взял её в руки. Серебряный череп смотрел на него пустыми глазницами, и в этом взгляде было столько же тьмы, сколько было в его собственной душе. Он сжал маску в руках, чувствуя, как её края впиваются в его ладони, и его дыхание стало неровным, прерывистым.

— Я не позволю тебе победить, Морок, — сказал он, и в его голосе была решимость, которую он не чувствовал никогда раньше. — Я найду способ избавиться от тебя. Я найду способ защитить её. Даже если это будет стоить мне всего.

Он опустил маску на стол и посмотрел на своё отражение в тусклом стекле окна. Его рога, чёрные и изогнутые, виднелись сквозь волосы, как корона проклятого короля, и в его глазах, серых и тёмных, горел тот самый огонь, который он видел в пламени. Огонь Морока. Огонь тьмы. Огонь, который был его проклятием и его силой.

Он отвернулся от окна, его сердце было тяжёлым, как камень, его мысли были тёмными, как бездна, и в его душе разгоралась та самая борьба, которая должна была длиться вечно. Борьба между светом и тьмой, между любовью и ненавистью, между человеком и демоном. И он знал, что эта борьба только начинается.

Глава 4. Анатомия Монстра

Рассвет пришел не как обещание, а как приговор. Серый, тяжелый, он просочился сквозь неплотно задернутые шторы, размазывая по комнате тусклые пятна света, которые падали на старый паркет, на потертый ковер у камина, на разбросанную одежду и пустую бутылку из-под вина, стоящую на столе. Демон не спал. Он сидел в кресле, уставившись в остывший пепел камина, и слушал, как за окном просыпается мир — где-то вдалеке запели птицы, заскрипела телега на мостовой, послышались голоса слуг, начинающих свой день. Эти звуки были такими нормальными, такими человеческими, такими далекими от той бездны, в которой он провел тысячелетия. И в то же время они были невыносимыми, потому что напоминали ему о том, что он больше не принадлежит ни тому миру, ни этому.

Он поднял голову, и его взгляд упал на зеркало, стоящее в углу комнаты — высокое, в тяжелой деревянной раме, с чуть помутневшим от времени стеклом. Он избегал смотреть в него три дня. Три дня он обходил его стороной, как обходят опасное место, как обходят пропасть на краю дороги. Но сегодня, в это серое утро, когда в его душе было так же пусто и холодно, как в остывшем камине, он почувствовал странное, почти маниакальное желание посмотреть на себя. Увидеть то, что стало с ним. Увидеть монстра, которого он носил внутри себя, и монстра, которым он становился снаружи.

Он медленно поднялся из кресла, его суставы хрустнули, мышцы заныли от долгого сидения в неудобной позе. Он сделал несколько шагов к зеркалу, и каждый шаг давался ему с трудом, как будто он шел по раскаленным углям. Его отражение приближалось к нему — бледное, исхудавшее лицо, пепельные волосы, которые теперь казались почти белыми, и глаза, серые, как зимнее небо, в которых застыла такая усталость, что, казалось, она была древнее, чем сам мир.

Он остановился перед зеркалом и замер. То, что он увидел, было не просто отражением. Это был портрет существа, которое стояло на границе двух миров, не принадлежа ни одному из них. Это был он и не он. Это был Кайл и не Кайл. Это был демон, запертый в теле человека, и человек, который медленно превращался в демона.

Его лицо было бледным, почти прозрачным — таким бледным, что сквозь кожу проступали голубоватые прожилки вен на висках, на шее, на запястьях. Губы были тонкими, бескровными, сжатыми в жесткую линию, которая не выражала ни боли, ни гнева, ни страха — только пустоту. Но самым страшным были его глаза. Те самые глаза, которые он видел каждый раз, когда смотрел на себя в этом зеркале, но которые теперь казались ему чужими. В их глубине мерцал огонь — тот самый, который он видел прошлой ночью в пламени камина. Огонь Морока. Огонь тьмы. Он был едва заметен, как искра в пепле, но он был там, он горел, он ждал своего часа, чтобы разгореться в полную силу. Но не глаза были самым страшным. Самым страшным были его рога.

Он поднял руку и провел пальцами по одному из них. Они выросли за ночь еще больше, теперь их длина достигала почти половины его ладони, и их форма стала более отчетливой, более хищной — изогнутые, как у козла, с острыми кончиками, которые могли бы пронзить кожу, если бы он коснулся их слишком сильно. Они были черными, как уголь, с едва заметными золотистыми прожилками, которые пульсировали, как живые вены, в такт биению его сердца.

Они были теплыми на ощупь, почти горячими, и от их прикосновения по его телу пробегала дрожь, которая была одновременно и приятной, и мучительной.

Он посмотрел на свои руки. Они тоже изменились. Пальцы стали длиннее, тоньше, почти неестественно изящными, с чуть удлиненными ногтями, которые теперь напоминали когти — не такие, как у зверя, но такие, что могли бы оставить глубокие царапины на коже. Кожа на ладонях была гладкой, почти шелковистой, но под ней, едва заметно, проступал темный узор — как татуировка, которая появлялась и исчезала в зависимости от его настроения, от его эмоций, от его состояния.

Он стоял перед зеркалом и смотрел на это существо, которое было им, и чувствовал, как его сердце сжимается от боли. Это был не он. Он не хотел быть этим. Он не хотел быть монстром, который смотрел на него из отражения, с его рогами, его когтями, его глазами, в которых горел огонь бездны. Он хотел быть человеком. Он хотел быть Кайлом — тем слабым, ничтожным, никчемным Кайлом, который ненавидел себя, но который хотя бы был человеком. Но это желание было недостижимо. Оно было иллюзией, мечтой, которую он не мог осуществить.

— Что же ты сделал со мной? — прошептал он, и его голос был тихим, хриплым, как у человека, который не пил воды несколько дней. — Что же ты сделал с собой, глупец?

И в этот момент в его сознании всплыли воспоминания. Чужие, навязанные, мучительные, они хлынули потоком, как вода через прорванную плотину, и он не мог остановить их, не мог отвернуться, не мог закрыться от них. Это были воспоминания Кайла. Настоящего Кайла. Того, кого больше не существовало, но чья душа все еще жила в этом теле, чьи эмоции все еще терзали его, чьи ошибки все еще отдавались в его сознании гулким эхом.

Кайл был молод, когда это случилось. Двадцать три года. Он был молод, глуп, отчаян и пьян — так пьян, что не мог отличить реальность от иллюзии, свет от тьмы, добро от зла. Это было в ту ночь, когда он проиграл все деньги, которые мать передала ему через Бартоломею, когда он проиграл даже перстень с печаткой, единственное наследство, которое оставил ему отец. Это была та ночь, когда он стоял на мосту через Темную реку, смотрел на воду, которая отражала луну, и думал о том, как легко было бы сделать шаг вперед и исчезнуть, раствориться в этой черной воде, как будто его никогда и не существовало.

Но вместо этого он встретил его. Человека в черном плаще с капюшоном, который стоял на другом конце моста и смотрел на него с той же тоской, с которой Кайл смотрел на воду. Он не помнил его лица, не помнил голоса, не помнил слов. Он помнил только ощущение — как будто кто-то взял его душу в свои руки и сжал ее так сильно, что она чуть не рассыпалась на куски.

Человек в черном сказал ему, что может помочь. Сказал, что может дать ему силу, которую он искал, власть, которой он жаждал, уважение, которого он был лишен. Он сказал, что может сделать его тем, кем он всегда хотел быть — сильным, богатым, могущественным, неуязвимым. И Кайл, этот глупый, отчаявшийся, пьяный Кайл, поверил ему.

Он согласился на ритуал. Согласился на то, что человек в черном назвал "избранной судьбой". Он не знал, что это значит. Он не знал, что будет делать. Он просто хотел избавиться от боли, от пустоты, от безнадежности, которые преследовали его всю жизнь.

Ритуал проходил в подвале старого дома на окраине города. Кайл помнил запах сырости, плесени, горелых свечей. Помнил круг, начерченный мелом на каменном полу, странные символы, которые светились красным в темноте, и силу, которая поднималась из земли, как дыхание спящего чудовища. Он стоял в центре круга, сжимая в руках какой-то древний артефакт — кажется, это была кость, но он не мог вспомнить точно, — и повторял слова, которые ему диктовал человек в черном. Он не понимал их значения. Они были на древнем языке, на языке, который не использовали люди уже тысячу лет. Но он произносил их, запинаясь, сбиваясь, спотыкаясь, потому что хотел получить то, что ему обещали.

Когда ритуал закончился, он упал на колени, чувствуя, как его тело разрывает изнутри. Это была боль, которую он никогда не испытывал раньше, — боль, которая не имела отношения к плоти, к костям, к нервам. Это была боль, которая разрывала его душу на части, которая вгрызалась в его сознание, как дикий зверь, которая заставляла его кричать так громко, что, наверное, его крики были слышны на другом конце города.

А потом он почувствовал это. Тьму. Она проникла в него, как вода проникает в треснувший корабль, медленно, неумолимо, заполняя каждую щель, каждую клетку его тела. Она была холодной, как лед, и горячее, как огонь, одновременно. Она была чужой, и в то же время она была его частью. Она была демоном. Низшим демоном, тем, кто не мог существовать самостоятельно, но искал тело, сосуд, оболочку, в которой можно было бы жить.

Человек в черном сказал ему, что это не опасно. Сказал, что демон будет служить ему, что он будет его силой, его оружием, его защитой. Но он солгал. Демон не стал слугой. Демон стал тюремщиком.

Кайл почувствовал это, когда очнулся наутро. Его тело болело, как будто он пережил жестокое избиение. Его голова была тяжелой, мысли путались, и в груди, в той самой глубине, где живет душа, он чувствовал что-то чужое. Что-то, что дышало в такт с ним, что билось в такт с его сердцем, что шевелилось, как змея в норе, и ждало своего часа.

Он попытался выгнать демона. Попытался с помощью молитв, с помощью заговоров, с помощью всего, что мог найти в старых книгах, которые читал в библиотеке графа. Но ничего не помогало. Демон был в нем, и он не уходил. Он был его тенью, его проклятием, его наказанием за глупость, за слабость, за доверчивость.

И теперь, стоя перед зеркалом в этом сером утре, демон, который вселился в тело Кайла, смотрел на свое отражение и чувствовал то же самое, что чувствовал Кайл, когда понял, что не может избавиться от этой тьмы. Он чувствовал страх, отчаяние, гнев. Но больше всего он чувствовал безнадежность.

Он подошел к столу, на котором лежал кинжал — старый, заржавевший, но все еще острый. Бартоломею использовал его, чтобы резать бумагу, но демон знал, что он может быть использован и для других целей. Он взял кинжал в руки, почувствовал его холодный, металлический вес, и его сердце забилося быстрее. Он смотрел на лезвие, на его зубчатый край, на тусклый отблеск света, который отражался от него, и в его голове созрела мысль. Мысль, которая была одновременно и ужасной, и облегчающей.

Если он не может избавиться от демона, может быть, он может избавиться от себя. Если он уничтожит это тело, этот сосуд, который держал демона в этом мире, может быть, демон

исчезнет вместе с ним. Может быть, он вернется в бездну. Может быть, он наконец-то освободится.

Он повернул кинжал острием к себе и поднес его к запястью. Его рука дрожала, по лицу струился пот, дыхание стало прерывистым и поверхностным. Он смотрел на свою бледную кожу, на голубоватые вены, которые пульсировали под ней, и чувствовал, как страх смешивается в его душе с надеждой. Он никогда не боялся смерти в своей истинной форме. Он был бессмертен, неуязвим, бесконечен. Но в этом теле, в этом человеческом теле, он чувствовал страх перед болью, перед кровью, перед концом.

Он зажмурился и нажал на лезвие. Боль была резкой, острой, неожиданной. Она взорвалась в его запястье, как маленькая сверхновая, и разлилась по всей руке, до самого плеча, заставляя его мышцы сжаться, а пальцы разжаться, чтобы выпустить кинжал. Он смотрел, как лезвие падает на пол, как ударяется о паркет с глухим стуком, и как из его запястья начинает течь кровь.

Кровь была темной, почти черной, и она текла быстро, заливая его руку, капая на пол, создавая на паркете маленькую лужицу, которая казалась ему такой же бездонной, как та тьма, что жила в его душе. Он смотрел на нее, чувствуя, как его тело слабеет, как его голова кружится, как мир начинает терять свои цвета, превращаясь в серое пятно, которое медленно исчезало на периферии его зрения.

Он опустился на колени, не в силах больше стоять, и закрыл глаза, ожидая, что наступит конец. Он ждал темноты, ждал пустоты, ждал того блаженного небытия, которое, как он надеялся, освободит его от этой проклятой жизни. Но вместо темноты он почувствовал нечто другое. Тепло. Оно исходило из его запястья, из того места, где текла кровь, и оно было живым, пульсирующим, настойчивым.

Он открыл глаза и посмотрел на свою руку. То, что он увидел, заставило его сердце остановиться, а затем забиться с удвоенной силой. Кровь перестала течь. Рана, глубокая, рваная, которая должна была быть смертельной, медленно, но верно затягивалась. Кожа срасталась, края раны сближались, как будто их тянула невидимая нить, и через несколько секунд на месте пореза осталась только тонкая белая линия, которая через мгновение исчезла, как будто ее никогда и не было.

Демон смотрел на свою руку, чувствуя, как его дыхание становится тяжелым, как его сердце колотится в груди с такой силой, что, казалось, оно вот-вот пробьет его ребра. Он попытался снова — в этот раз сильнее, глубже, порезал другую руку, вскрыл вену так, чтобы кровь хлынула ручьем. И снова — та же боль, та же кровь, и то же затягивание, моментальное, неумолимое, как будто его тело было запрограммировано на регенерацию, на восстановление, на бесконечное, бессмысленное существование.

Он уронил голову на руки и зарыдал. Впервые за свою долгую, бесконечную жизнь он плакал — не как демон, а как человек, который потерял все, у которого нет выхода, нет надежды, нет будущего. Он плакал от бессилия, от отчаяния, от понимания того, что он никогда не сможет умереть. Он был бессмертным пленником, заточенным в этом теле, которое не могло умереть, потому что демоническая регенерация восстанавливала его, воссоздавала его, возвращала его к жизни каждый раз, когда он пытался уйти из нее.

Он поднял голову и посмотрел на свое отражение в зеркале. Из стекла на него смотрело лицо Кайла — бледное, исхудавшее, с заплаканными глазами, но в глубине этих глаз, там, где раньше мерцал только тусклый огонь, теперь горело нечто иное. Это была улыбка. Едва заметная, почти невидимая, но она была там. Это был Морок, который смотрел на него из глубин его собственной души и смеялся над его попытками, над его отчаянием, над его безнадежностью.

— Ты не можешь умереть, — прошептал голос, который звучал в его голове — тихий, насмешливый, полный презрения. — Ты никогда не сможешь умереть. Я сделал тебя бессмертным. Я дал тебе тело, которое не разрушается, которое не стареет, которое не умирает. Ты — мой сосуд, моя тюрьма, моя игрушка. И ты будешь жить вечно, страдать вечно, ненавидеть себя вечно. Это твоё наказание, Кайл. За слабость, за глупость, за доверчивость. Ты хотел быть сильным? Ты получил силу. Ты хотел быть бессмертным? Ты получил бессмертие. Но ты не знал, что это будет проклятием.

Демон закрыл глаза, сжимая в кулаках свои запястья, которые уже зажили, как будто он никогда не порезал их. Его тело было целым, невредимым, сильным. Но его душа была разбита на тысячу осколков, и каждый осколок резал его изнутри, напоминая о том, что он никогда не будет свободен, что он никогда не сможет умереть, что он навсегда останется пленником в этом теле, в этом мире, в этом существовании.

— Почему ты не даешь мне умереть? — прошептал он, и его голос был таким тихим, что его почти не было слышно. — Зачем ты держишь меня в этой клетке?

Голос Морока ответил ему, но теперь он был тише, спокойнее, почти сочувствующим:

— Потому что я хочу, чтобы ты страдал. Я хочу, чтобы ты чувствовал каждую минуту своего существования, каждое мгновение своей боли, каждое биение своего сердца. Я хочу, чтобы ты знал, что нет выхода, нет спасения, нет надежды. Ты — мой, Кайл. Ты всегда был моим. И ты всегда будешь моим.

Демон открыл глаза и посмотрел на свое отражение. Улыбка в глубине его глаз исчезла, но он знал, что она вернется. Она всегда возвращалась. Она была там, где жила тьма, там, где жил Морок, там, где жила его истинная сущность. Он поднялся на ноги, его тело было слабым, дрожащим, но он знал, что через несколько мгновений оно восстановится, вернется в норму, как будто ничего не произошло.

Он посмотрел на свои руки, на свои запястья, на которых не было никаких следов, никаких шрамов, никаких напоминаний о его попытке. Его тело было безупречным, идеальным, совершенным — как у монстра, который не может умереть. И в этой идеальности, в этом совершенстве, было столько уродства, столько отвращения, столько безнадежности, что он почувствовал, как его тошнит.

Он подошел к окну и посмотрел на улицу. За окном просыпался город — люди спешили по своим делам, торговцы открывали свои лавки, дети бежали в школу. Всё было так нормально, так обычно, так человечно. И он стоял за этим стеклом, за этой преградой, отделяющей его от мира, и чувствовал себя призраком, который может только смотреть, но никогда не участвовать.

Он был бессмертным пленником. Он был монстром в человеческой оболочке. Он был Кайлом и не Кайлом, демоном и человеком, и ни тем, ни другим. Он был существом, которое не принадлежало ни одному миру, которое было обречено на вечное одиночество, вечную боль, вечную борьбу с самим собой.

И в этом осознании, в этой правде, которая была горькой, как полынь, он нашел что-то странное — не покой, не принятие, но что-то похожее на решимость. Если он не может умереть, если он не может освободиться от Морока, если он обречен жить вечно, то, может быть, он может найти способ использовать это бессмертие для чего-то большего. Может быть, он может использовать свою силу, чтобы защитить тех, кто нуждается в защите. Может быть, он может использовать свою тьму, чтобы бороться с большей тьмой.

Он поднял голову и посмотрел на свое отражение в стекле. Его рога, его когти, его глаза, в которых горел огонь бездны — все это было его проклятием, но также это могло быть и его оружием. Он не знал, как использовать его, не знал, как контролировать его, но он знал, что должен попытаться. Ради себя. Ради Леди Айрис. Ради того маленького света, который еще теплился в его душе.

— Я не сдамся, — сказал он, и его голос был твердым, уверенным, почти громким. — Я не позволю тебе победить, Морок. Я найду способ вырваться из этой клетки. Я найду способ стать тем, кем я хочу быть. Даже если это займет вечность.

В ответ на его слова раздался тихий смех. Он исходил не извне, не из камина, а изнутри него, из той самой глубины, где жила тьма. Это был смех Морока — насмешливый, злой, полный презрения.

— Ты не можешь победить меня, — сказал голос. — Я — это ты. Ты можешь бороться со мной, но ты никогда не сможешь избавиться от меня. И рано или поздно, когда ты устанешь бороться, когда ты сломаешься, когда твоя надежда исчезнет, я буду ждать. Я всегда буду ждать.

Демон закрыл глаза и прижал ладонь к стеклу. Стекло было холодным, как лёд, и этот холод проникал в его кожу, остужая его кровь, его мысли, его эмоции. Он стоял так несколько минут, слушая свое дыхание, слушая свое сердце, слушая ту тишину, которая была внутри него, и в этой тишине он нашел что-то, что не мог объяснить, но что чувствовал всем своим существом. Это была надежда. Маленькая, слабая, почти незаметная, но она была там.

— Я буду бороться, — сказал он, и его голос был почти шепотом. — Я буду бороться до последнего.

Он открыл глаза и посмотрел на свое отражение. Лицо Кайла смотрело на него — бледное, усталое, но в его глазах горел тот самый огонь, который он видел в пламени, в глубине своей души. Это был огонь Морока, но теперь он был и его огнем. Он принадлежал ему, и он мог использовать его.

Он отвернулся от окна и подошел к столу, где лежала его маска. Он взял её в руки, чувствуя холодный костяной край, и посмотрел на неё. Она была его защитой, его тайной, его способом скрываться от мира. Но он знал, что однажды ему придется снять её. Однажды ему придется показать миру свою истинную сущность. И он должен быть готов к этому дню.

Он положил маску на стол и вышел из комнаты, оставляя позади зеркало, в котором отражалось его проклятие, его бессмертие, его бесконечная борьба. Он шел по коридору, и его шаги были уверенными, твердыми, как у человека, который знает, куда он идет. Он не знал, что ждет его впереди, но он знал, что должен идти. Потому что только в движении, только в борьбе, только в попытках изменить свою судьбу он мог найти смысл своего существования.

Он шел к ней. К Леди Айрис. К той, которая стала для него светом в этой бесконечной тьме. Он не знал, сможет ли он защитить её от Морока, от себя, от той тьмы, которая жила внутри него. Но он знал, что должен попытаться. Потому что она была единственной, кто видел его истинное лицо и не отвернулся. Она была единственной, кто давал ему надежду на то, что он может измениться. И он был готов бороться за эту надежду. Даже если это будет длиться вечность.

Глава 5. Цена Милосердия

Тишина в доме графа Эрста была особенной — она не была пустой, как тишина в заброшенном здании, или злой, как тишина перед бурей. Это была тишина, которая дышала, которая ждала, которая наблюдала за каждым движением, за каждым звуком, за каждой мыслью, пронесившейся в голове его обитателей. Демон чувствовал эту тишину каждой клеткой своего тела, каждой нитью своей новой, странной души, которая еще не привыкла к этому миру, к этим стенам, к этому существованию.

Он сидел в своей комнате, в том самом кресле у камина, где прошлой ночью видел лицо Морока. Огонь был погашен, пепел остыл, и теперь только серый свет утра, пробивающийся сквозь неплотно задернутые шторы, освещал комнату тусклыми, болезненными лучами. Он смотрел на свои руки — на эти длинные, тонкие пальцы, на эти чуть удлинненные ногти, которые уже начинали напоминать когти, — и пытался понять, кто он теперь. Не просто демон в теле человека. Не просто Кайл, который стал сосудом для низшего демона. Он был чем-то третьим, чем-то, что не имело названия, не имело формы, не имело места в этом мире.

Дверь в комнату открылась, и он поднял голову. На пороге стояла она — та самая служанка, которую он спас в ту первую ночь, когда проснулся в этом теле. Её звали Лина, он узнал её имя из воспоминаний Кайла, из тех обрывков сознания, которые еще не полностью исчезли из его разума. Она была молодой, не старше семнадцати, с тонкими чертами лица и светлыми волосами, которые были собраны в простой пучок на затылке. Её глаза, бледно-голубые, как зимнее небо, были опущены, и в них читалась какая-то странная смесь благодарности и страха, которая не давала ему покоя уже несколько дней.

Она вошла в комнату с подносом в руках, на котором стояла бутылка темного вина и два хрустальных бокала. Демон нахмурился, глядя на неё. Он не просил вина. Он вообще не просил ничего с той ночи, когда спас её от Горма и его людей. Он избегал её, как избегал всех в этом доме, потому что каждое её присутствие напоминало ему о той слабости, которую он проявил, о той человечности, которая прорвалась сквозь его демоническую сущность, о той вине, которая разъедала его изнутри.

— Господин, — сказала Лина, и её голос был тихим, почти неслышным, как шелест осенних листьев на ветру. — Я принесла вам вино. Вы не пили со вчерашнего дня, и я подумала, что вам может быть нужно что-то, чтобы согреться. В доме так холодно по утрам, и вы выглядите таким... уставшим.

Она поставила поднос на стол, стоящий рядом с креслом, и отступила на шаг, опустив глаза, как и подобает служанке, которая знает своё место. Но демон заметил что-то в её движениях. Что-то неуловимое, что-то, что не вписывалось в картину покорной, благодарной девушки, которая пришла отблагодарить своего спасителя. Её пальцы, когда она ставила бутылку на стол, слегка дрожали. Её дыхание было чуть быстрее, чем следовало бы, если бы она просто выполняла свою обязанность. И в её глазах, в этих бледно-голубых глазах, которые она старательно прятала от него, мелькало нечто, что он не мог идентифицировать.

Это был страх. Но не тот страх, который она испытывала, когда он спас её от насильников. Это был другой страх — страх, смешанный с решимостью, с чем-то мрачным, что он чув-

ствовал только у людей, которые собирались совершить что-то, от чего не могли отказаться, даже если это было против их воли.

Демон молчал, рассматривая её. В его душе закипало что-то тёплое, что-то, что не было гневом или подозрением — это была боль. Чистая, неразбавленная боль, которая пронзила его сердце, как острая игла. Он спас её. Он рисковал своей жизнью, своей тайной, своим существованием, чтобы защитить её, и теперь она стояла перед ним с подносом, на котором было что-то, что заставляло её дрожать.

— Ты принесла мне вино, — сказал он, и его голос был ровным, почти безразличным, как у человека, который говорит о погоде. — Зачем?

Лина подняла глаза, и в них мелькнула тень удивления. Она, видимо, ожидала, что он возьмёт бутылку, нальёт себе бокал, выпьет — как делал прежний Кайл, который всегда был пьян, который всегда искал забвения в вине, который никогда не задавал вопросов. Но этот Кайл был другим. Этот Кайл смотрел на неё так, что её кровь стыла в жилах, и она чувствовала, как её решимость начинает таять, как снег под лучами весеннего солнца.

— Я... я подумала, что вы хотите пить, господин, — сказала она, запинаясь. — Вы так много сделали для меня, и я хотела отблагодарить вас. Это хорошее вино, я взяла его из погреба графа. Он не заметит, он никогда не заходит в этот дом.

Демон усмехнулся, но в его усмешке не было радости. Только горечь, только отчаяние, только понимание того, что он уже знал, но не хотел признавать.

— Ты хочешь отблагодарить меня, — повторил он, и его голос стал тише, почти шёпотом. — Хочешь отблагодарить меня за то, что я спас тебя. За то, что я не дал им надругаться над тобой. За то, что я рисковал своей жизнью, чтобы защитить тебя. И ты принесла мне вино.

Она кивнула, но её кивок был слишком быстрым, слишком резким, и в нём не было уверенности. Её пальцы сжались в кулаки, и она смотрела на него с выражением, которое он не мог понять — смесь вины, страха и чего-то ещё, что было похоже на отчаяние.

— Вы не представляете, что я чувствую, — сказала она, и её голос дрожал. — Вы не представляете, как я вам благодарна. Вы спасли мне жизнь. Вы спасли меня от того, что хуже смерти. И я не знаю, как я могу отплатить вам за это. Но я хочу попытаться.

Она протянула руку к бутылке, чтобы открыть её, но демон остановил её жестом. Он поднялся из кресла, его движения были медленными, почти грациозными, как у хищника, который приближается к своей жертве. Он подошёл к ней, и она отступила на шаг, врезавшись спиной в стену. Её глаза расширились, в них заплескался страх, и она прижала руки к груди, как будто пыталась защитить себя от него.

— Ты хочешь отплатить мне, — сказал он, и его голос был мягким, почти нежным, но в этой мягкости было столько скрытой силы, что она не могла дышать. — Ты хочешь отплатить мне, потому что я спас тебя. Потому что я проявил доброту, которой не заслуживал. Потому что я сделал то, что должен был сделать, но что, по твоему мнению, является чем-то необычным.

Он взял бутылку с подноса, и его пальцы сомкнулись вокруг её горлышка. Стекло было холодным, гладким, и в этом прикосновении он чувствовал ту же пустоту, что и в своей душе. Он поднес бутылку к свету, разглядывая её содержимое. Вино было тёмным, почти чёрным, с едва заметным красноватым отливом, который казался ему подозрительным. Он понюхал его, и его ноздри уловили не только запах винограда и спирта, но и что-то ещё — что-то горькое, металлическое, что-то, что не должно было быть в хорошем вине.

Он опустил бутылку и посмотрел на Лину. Теперь он знал. Теперь он видел правду, которую она пыталась скрыть от него. В этом вине был яд. Яд, который должен был убить его. Яд, который должен был уничтожить демона, вселившегося в тело Кайла. Яд, который принесла ему девушка, которую он спас, которую он защитил, которой он подарил шанс на жизнь.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он, и в его голосе не было ни гнева, ни обвинения. Только констатация факта, только принятие того, что он уже понял. — Ты знаешь, что я не человек. Ты знаешь, что я демон. И ты принесла мне яд, чтобы уничтожить меня.

Лина побледнела так сильно, что её лицо стало почти такого же цвета, как её волосы. Её губы задрожали, и она прикусила их, чтобы не закричать, чтобы не разрыдаться, чтобы не выдать себя окончательно.

— Я... я не знаю, о чём вы говорите, господин, — прошептала она, но её голос был таким слабым, таким неуверенным, что её ложь была очевидна. — Это просто вино. Я хотела отблагодарить вас. Я не знаю, о каком яде вы говорите.

— Ты знаешь, — сказал он, и в его голосе появилась та стальная нотка, которую он слышал в голосе Морока — холодная, безжалостная, не терпящая возражений. — Ты знаешь, потому что ты не просто служанка. Ты — часть культа охотников на демонов. Они нашли тебя, они пришли к тебе, они сказали тебе, что я — зло, что я должен быть уничтожен, что я только притворяюсь человеком, чтобы обмануть вас всех.

Она закрыла глаза, и по её щекам потекли слёзы. Они были тихими, беззвучными, но в них было столько боли, столько отчаяния, столько вины, что демон почувствовал, как его сердце сжимается от этой боли, как будто она была его собственной.

— Простите меня, — прошептала она, и её голос был едва слышен. — Простите меня, господин. Я не хотела этого делать. Я не хотела причинять вам боль. Но они сказали мне, что вы опасны. Они сказали мне, что вы убьёте нас всех, что вы разрушите этот мир, что вы станете нашим проклятием. И я поверила им. Я поверила им, потому что я не знала, что делать, потому что я боялась, потому что я была слаба.

Демон смотрел на неё, и в его душе бушевала буря. Он чувствовал гнев — гнев на неё за предательство, гнев на культ за то, что они использовали её, гнев на мир за то, что он был так жесток. Но больше всего он чувствовал боль. Боль от того, что его доброта, его милосердие, его попытка стать человеком была встречена не благодарностью, а смертью. Он спас её, а она пришла убить его. Он проявил слабость, а она использовала эту слабость против него.

Но в то же время он понимал её. Он понимал её страх, её отчаяние, её желание защитить то, что она любила. Он знал, что такое быть слабым, быть беспомощным, быть в руках тех, кто

сильнее тебя. Он знал, что люди могут быть жестокими, и что они могут заставить тебя сделать то, что ты никогда не хотел делать.

Он поднял бутылку и посмотрел на неё. В его руке она казалась почти лёгкой, как перо, но он знал, что в ней была смерть. Смерть, которая должна была стать его концом. Смерть, которую он не мог принять, потому что его тело не могло умереть. Смерть, которая была его проклятием и его освобождением одновременно.

— Ты знаешь, что я не могу умереть, — сказал он, и его голос был ровным, почти спокойным. — Ты знаешь, что яд не убьёт меня. Мой организм восстановится, моя кровь очистится, и я останусь живым, как будто ничего не произошло. Почему же ты принесла его? Зачем ты пыталась убить меня, если знала, что это бесполезно?

Лина подняла на него глаза, и в них была такая глубокая, всепоглощающая тоска, что он почувствовал, как его дыхание перехватывает.

— Я не знала, что он не убьёт вас, — прошептала она. — Мне сказали, что этот яд смертелен для всех, кто не человек. Мне сказали, что он убьёт вас мгновенно, что вы исчезнете, и мы будем в безопасности. Я не знала, что он не сработает. Я не знала, что вы... что вы такие.

Демон усмехнулся, и его усмешка была горькой, как полынь. Он открыл бутылку, и запах вина заполнил комнату, смешиваясь с запахом пепла и старого дерева. Он налил себе бокал — полный, до краёв, — и поднёс его к губам.

— Что ты делаешь? — прошептала Лина, и в её глазах был ужас. — Не пейте! Это отравленное вино! Оно убьёт вас!

— Оно не убьёт меня, — ответил он, и в его голосе была такая уверенность, что она замерла, не в силах пошевелиться. — Я уже говорил тебе. Я не могу умереть. Ты хочешь увидеть, что значит быть бессмертным пленником? Ты хочешь увидеть, как яд, который должен был уничтожить меня, превращается в ничто в моей крови?

Он поднёс бокал к губам и выпил его залпом. Жидкость была холодной, почти ледяной, и она скользнула по его горлу, как змея, оставляя за собой ощущение жжения. На мгновение он почувствовал боль — резкую, острую, как удар ножом, — которая пронзила его грудь и разлилась по всему телу, заставляя его сердце биться быстрее, а дыхание становиться прерывистым. Он чувствовал, как яд распространяется по его венам, как он атакует его клетки, как он пытается разрушить его изнутри.

Но почти сразу боль начала утихать. Его тело, его новое, нечеловеческое тело, начало бороться с ядом, нейтрализуя его, перерабатывая его, превращая его в то, что не могло навредить ему. Он чувствовал, как его кровь становится горячей, как его сердце бьётся сильнее, как его кожа покрывается испариной, а затем — как всё проходит, уходит, исчезает, оставляя после себя только лёгкую слабость и горький привкус во рту.

Он поставил пустой бокал на стол и посмотрел на Лину. Она стояла, прижавшись спиной к стене, и смотрела на него с таким выражением, которое он не мог описать — смесью страха, ужаса, благоговения и чего-то ещё, что было похоже на отчаяние.

— Видишь? — сказал он, и его голос был ровным, как поверхность застывшего озера. — Яд не работает. Я не могу умереть. Ты можешь принести мне ещё яда, можешь попытаться перерезать мне горло, можешь сжечь меня на костре — я выживу. Я всегда буду выживать. Это моё проклятие.

Она опустила на колени, её плечи содрогались от рыданий, и она закрыла лицо руками, не в силах смотреть на него.

— Простите меня, — повторяла она снова и снова, как молитву, как заклинание, как отчаянную попытку искупить свою вину. — Простите меня, простите меня, простите меня...

Демон смотрел на неё, и в его душе боролись два чувства. Гнев и сострадание. Ярость и понимание. Ненависть и прощение. Он не знал, что должен чувствовать к этой девушке, которая предала его, но которая была всего лишь пешкой в чужой игре, жертвой обстоятельств, слабой и испуганной, как и он сам.

— Встань, — сказал он, и его голос был мягче, чем он ожидал. — Встань и уходи. Я не причиню тебе вреда. Ты была всего лишь орудием в руках тех, кто хотел убить меня. Я не виню тебя.

Она подняла голову, её глаза были красными, опухшими от слёз, и в них читалось удивление, смешанное с недоверием.

— Вы... вы не убьёте меня? — прошептала она. — Вы не отомстите мне? Я пыталась убить вас. Я предала вас, несмотря на то, что вы спасли мне жизнь. И вы прощаете меня?

Демон усмехнулся, и в его усмешке была такая горечь, что она почувствовала, как её сердце сжимается от боли.

— Я не прощаю тебя, — сказал он. — Я просто не хочу быть таким, как они. Я не хочу быть таким, как те, кто использует слабых для достижения своих целей. Я не хочу быть тем монстром, в котором они видят меня. Если я убью тебя, я докажу им, что они правы. А это единственное, чего я не могу позволить.

Она встала на ноги, её тело дрожало, как осиновый лист на ветру. Она смотрела на него, и в её глазах было что-то новое — уважение, которое она не испытывала ни к кому раньше, и благодарность, которая была глубже, чем та, что она чувствовала, когда он спас её в ту ночь.

— Я не заслуживаю вашей доброты, — сказала она, и её голос был почти неслышен. — Я не заслуживаю вашего прощения.

— Ты не заслуживаешь моей доброты? — переспросил он, и его голос стал холоднее, почти как у Морока. — Ты думаешь, что моя доброта — это слабость? Ты ошибаешься. Моя доброта — это выбор. Я выбираю быть тем, кем я хочу быть, а не тем, кем меня сделали. И если ты думаешь, что я позволю этому культу или тебе заставить меня изменить этот выбор, ты тоже ошибаешься.

Она опустила голову, и по её щекам снова потекли слёзы. Но теперь это были слёзы облегчения — понимания того, что она не будет наказана, что ей дадут шанс исправиться, что она не потеряет всё из-за одной ошибки.

— Я уйду, — прошептала она. — Я уйду и никогда не вернусь. Я не хочу причинять вам боль. Я не хочу быть орудием в руках тех, кто хочет вас уничтожить.

Она повернулась и направилась к двери, но демон остановил её.

— Лина, — сказал он, и она замерла на пороге, не оборачиваясь. — Ты не виновата. Ты сделала то, что считала правильным. Ты хотела защитить тех, кого любишь. Это не преступление. Это человечность.

Она вздрогнула, и её плечи содрогнулись от беззвучных рыданий. Она кивнула, не оборачиваясь, и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Демон остался один. Он стоял посреди комнаты, глядя на пустой бокал, на бутылку с отравленным вином, на поднос, который она принесла, и чувствовал, как в его душе поднимается что-то тёмное и холодное. Это был не гнев, не ярость — это было разочарование. Глубокое, всепоглощающее разочарование в людях, в мире, в самом себе.

Он спас её. Он проявил доброту, милосердие, сострадание. Он попытался быть человеком, которым он никогда не был. И в ответ он получил яд. Он получил предательство. Он получил доказательство того, что в этом мире доброта карается смертью, что милосердие — это слабость, что доверие — это роскошь, которую он не может себе позволить.

Он поднял бутылку и посмотрел на неё. Вино было тёмным, почти чёрным, и в нём отражался его собственный взгляд — холодный, пустой, полный безнадежности.

— Доброта карается смертью, — прошептал он, и его голос был тихим, как дыхание ветра. — Милосердие наказывается. Сострадание уничтожается. И это мир, в котором я живу.

Он поставил бутылку на стол и отошёл к окну. За стеклом просыпался город — люди спешили по своим делам, торговцы открывали свои лавки, дети бежали в школу. Всё было так же, как и всегда. Всё было нормально. Но для него ничего не было нормальным. Его мир рухнул в тот момент, когда он понял, что даже те, кого он спас, могут предать его.

Он провёл рукой по стеклу, и его пальцы оставили на нём следы — тонкие, почти незаметные линии, которые исчезли через мгновение. Он смотрел на этот след, который исчез, как исчезала его надежда, как исчезала его вера в людей, как исчезала его вера в себя.

— Что я делаю здесь? — прошептал он, обращаясь к самому себе, к пустоте, к той тьме, которая жила в его душе. — Зачем я пытаюсь быть человеком, если человечность уничтожает всё, что я пытаюсь построить?

Ответа не было. Только тишина, только серое небо за окном, только пустой бокал на столе, который напоминал ему о том, что он сделал — о том, что он выпил яд, зная, что не умрёт, но чувствуя, как его доверие к людям разбивается вдребезги, как стекло, упавшее на каменный пол.

Он не знал, что делать дальше. Он не знал, кому доверять, кого защищать, во что верить. Он был потерян в этом мире, как заблудившийся путник в густом лесу, и единственным ориентиром, который у него был, была Леди Айрис — та, которая смотрела на него без страха, та, которая видела его истинное лицо и не отвернулась.

Но теперь он боялся даже этого ориентира. Теперь он боялся, что и она может предать его, что и она может оказаться орудием в руках тех, кто хочет его уничтожить, что и она может принести ему яд, как Лина, и смотреть, как он умирает, даже зная, что он не может умереть.

Он закрыл глаза и откинул голову назад, чувствуя, как его рога касаются стекла окна. Холод проникал в его кожу, в его кости, в его душу, и в этом холоде было что-то почти успокаивающее — что-то, что напоминало ему о бездне, из которой он пришёл, о той тьме, которая была его домом на протяжении тысячелетий.

Но он не хотел возвращаться в бездну. Он не хотел быть тем демоном, которым он был когда-то. Он хотел быть другим. Он хотел быть человеком. Он хотел любить, чувствовать, страдать — даже если это причиняло боль.

— Я не сдамся, — сказал он, и его голос был твёрдым, почти громким. — Я не позволю им победить меня. Я не позволю миру сломать меня. Я буду бороться. Я всегда буду бороться.

Он открыл глаза и посмотрел на свой бокал, на бутылку с отравленным вином, на поднос, который она принесла. Всё это было напоминанием о том, что он потерял, и о том, что он ещё мог найти.

Он подошёл к столу, взял бутылку и вылил остатки вина в камин. Жидкость зашипела на остывших углях, и запах яда заполнил комнату, смешиваясь с запахом пепла и старого дерева.

— Больше никакой доброты, — прошептал он, обращаясь к пустоте, к самому себе, к той тьме, которая жила в его душе. — Больше никакого милосердия. Я буду тем, кем они хотят меня видеть. Я буду монстром. Если это единственный способ выжить в этом мире, я буду им.

Но даже когда он произносил эти слова, он знал, что они — ложь. Потому что внутри него всё ещё жила та искра, которую он не мог погасить — искра человечности, искра надежды, искра любви к той, кто смотрела на него без страха, кто видела его истинное лицо и не отвернулась.

Он не мог быть монстром. Он не хотел быть монстром. Он хотел быть тем, кем он стал в ту ночь, когда спас Лину от насильников — защитником, героем, человеком. И он знал, что будет бороться за это право, даже если весь мир будет против него.

Глава 6. Прах Охотников

Ночь опустилась на поместье графа Эрста не просто как время суток, а как живое существо — огромное, дышащее, сотканное из первозданной тьмы и абсолютной тишины. Она накрыла старый особняк, словно тяжелое бархатное покрывало, которое кто-то заботливо расстелил над миром, чтобы скрыть его от посторонних глаз. Луна, этот вечный страж ночного неба, предательски скрылась за плотными, набухшими облаками, которые клубились над землей, словно дым от невидимого пожара, и только редкие звезды еще мерцали в черноте, напоминая маленькие алмазы, небрежно разбросанные по бесконечному черному бархату вселенной. В доме установилась такая глубокая, такая всеобъемлющая тишина, что демон мог слышать биение собственного сердца — тяжелое, ритмичное, настойчивое. Оно стучало в его груди, как запертый в тесной клетке дикий зверь, который чувствует приближение опасности и требует немедленной свободы, рвется наружу, царапает ребра изнутри, напоминая о своей извечной, неутолимой жажде.

Он стоял у высокого стрельчатого окна в своей комнате, глядя на темный парк, который простирался за стенами поместья подобно застывшему черному океану. Вековые дубы и раскидистые вяза стояли неподвижно, их кроны сливались в сплошную массу, и в этой неподвижности было что-то зловещее, какое-то затаенное ожидание. Демон чувствовал это не столько разумом, сколько всем своим существом — древним, инстинктивным чутьем хищника, которое никогда не дремало. Каждой клеткой своего тела, каждой нитью своей странной, раздвоенной души он ощущал, как в самом воздухе, в самой атмосфере этого места сгущается нечто чужое, враждебное, смертоносное. Это было похоже на то, как перед страшной грозой воздух становится плотным, наэлектризованным, тяжелым — каждое движение дается с трудом, каждый вдох наполняет легкие свинцом, и все живое инстинктивно замирает в ожидании неминуемого удара стихии.

Три дня минуло с того самого момента, как Лина, служанка с глазами испуганной лани и руками, дрожащими от страха и решимости, принесла ему отравленное вино. Три бесконечно долгих дня, наполненных тягостными раздумьями и горьким осознанием того, насколько он чужд этому миру. Три дня он почти не покидал пределов своей комнаты, добровольно заключив себя в эту камеру из темного дерева и бархатных портьер. Он избегал встреч с людьми с тем же упорством, с каким они избегали его, избегал их косых, быстрых взглядов, их тревожного шепота за спиной, их липкого, парализующего волю страха. Он слышал их разговоры — человеческое ухо не смогло бы уловить эти звуки сквозь толстые каменные стены, но его слух был иным. Он слышал, как они перешептывались о том, что с ним что-то не так, что он стал совершенно другим, неузнаваемым, что в его глазах теперь горит какой-то потусторонний, адский огонь, который не может принадлежать смертному человеку. Он физически, почти осязаемо чувствовал, как стена непонимания, отчуждения и первобытного ужаса между ним и этим миром становится все выше, все толще, превращаясь в неприступный бастион. И он не знал, как пробить эту стену, как достучаться до тех, кто прятался за ней, как объяснить им то, что он и сам едва понимал.

Но сегодня, именно в этот момент, когда мир, казалось, замер в предрассветном оцепенении, что-то было иначе. Неуловимо, но кардинально. В воздухе, которым он дышал, витало электрическое напряжение, заставляющее вибрировать каждую клеточку его тела. Это было не просто предчувствие беды — это была абсолютная, непоколебимая уверенность, подкрепленная всем его тысячелетним опытом существования в Бездне. Там, внизу, среди вечного мрака и

серных рек, он испытывал это чувство бесчисленное количество раз перед тем, как начать охоту. Чувство, когда ты знаешь, что добыча рядом, что она приближается, не подозревая, что сама идет в расставленную ловушку. Что-то приближалось к поместью. Что-то темное, наполненное злобой, опасное до смертоносности, движимое не инстинктом, а холодным, расчетливым намерением. И оно шло за ним. Оно искало именно его.

Он услышал звук первым. Тонкий, едва уловимый хруст сухой ветки под чьей-то тяжелой, неосторожной ногой, донесшийся из глубины парка. Для обычного человека он слился бы с ночным шорохом, но для него этот звук был подобен удару гонга. За первым хрустом последовал второй, третий, а затем целая какофония звуков разорвала ночную тишину в клочья. Топот множества ног, обутых в грубую кожу, приглушенный звон металла — так звенят мечи в ножнах, когда их владельцы бегут, — отрывистые, гортанные голоса, отдающие короткими, рублеными командами. Демон мгновенно напрягся, мышцы на его спине и плечах сжались в тугие узлы, словно стальные пружины, готовые в любой момент распрямиться со смертоносной силой. И в этот самый момент в его груди, где под тонкой оболочкой человеческой плоти тлела бездна, разлилось что-то горячее, почти приятное, вызывающее темное, извращенное наслаждение. Это был не страх. Это был Голод — древний, всепоглощающий, первобытный Голод хищника, который он так долго и так мучительно пытался подавить, запереть в самых глубоких подвалах своего существа. Но Голод никуда не уходил, он всегда был там, терпеливый и неумолимый, всегда ждал своего часа, и теперь, почуяв запах близкой схватки, он поднял свою уродливую голову и радостно оскалился.

Он бесшумно, словно призрак, скользнул к двери и приоткрыл ее ровно настолько, чтобы видеть происходящее в коридоре. Его глаза, способные видеть в кромешной тьме, впитывали каждую деталь. Где-то внизу, в главном зале — сердце поместья — уже раздавались крики. Это были не крики злобы или боевые кличи, а испуганные, отчаянные, полные животного ужаса вопли слуг, застигнутых врасплох. Затем послышался характерный звон бьющегося стекла — кто-то выбил окно или опрокинул тяжелый канделябр, — и на этот хрупкий звук наложился грохот тяжелых шагов по мраморному полу. Грубые, хриплые голоса требовали, чтобы им немедленно указали, где находится «тот, кого они ищут», перемежая свои требования грязными ругательствами, эхом разносящимися под высокими сводами.

Он знал, кто это. Ему не нужно было видеть их лица. Он чувствовал их запах, который ворвался в стерильную атмосферу поместья удушливой волной — резкий, кислый запах оружейной стали, едкий запах мужского пота, смешанный с ароматом кожи и конского волоса, и поверх всего этого, перебивая все остальные запахи, густой, тошнотворный запах ненависти. Так пахнут только одни люди во всем мире. Охотники. Те самые фанатики, которые послали Лину с отравленным кубком, полагая, что смогут решить проблему чужими руками. Те, кто возомнил себя вершителями судеб, очистителями мира от скверны. Они охотились на него не потому, что он совершил зло, а потому, что он существовал, потому что был чужаком в их упорядоченной вселенной, потому что был живым воплощением всего того, что они боялись и ненавидели до дрожи. Они пришли за ним в эту ночь, пришли, чтобы завершить начатое, чтобы убить его, и они не остановятся ни перед чем — ни перед убийством невинных, ни перед разрушением этого дома, — чтобы достичь своей праведной, как они считали, цели.

И в этот самый момент, в паузе между грохотом и грубой бранью, он услышал голос, который пронзил его острее любого серебряного клинка. Голос Леди Айрис, доносившийся из главного зала. Он был высоким, испуганным — это нельзя было не заметить, — но в самой

его сердцевине, в его основе, все еще звучала несломленная, гордая сталь. Это не был крик жертвы, это был окрик хозяйки, защищающей свой дом.

— Отойдите от меня! — чеканила она каждое слово. — Как вы смее врываться в дом графа Эрста? Вы не имеете никакого права здесь находиться! Это незаконно!

Демон почувствовал, как его сердце — человеческое сердце Кайла — пропустило удар, споткнулось, а затем забило с утроенной силой, гоня по жилам кровь и адреналин. Леди Айрис была там, внизу, в самой гуще опасности. Она была в центре этого хаоса, беззащитная перед толпой вооруженных убийц в масках. Мысль о том, что они могут причинить ей боль, что они могут хотя бы пальцем дотронуться до ее кожи, замутить ее фиалковые глаза страхом, была для него невыносимее, чем любая пытка, которую могла изобрести Бездна. Он не мог этого допустить.

Дальнейшие события слились в один стремительный, размытый поток движения. Он выбежал из комнаты, даже не заметив, как сорвал дверь с петель. Его ноги несли его по темному коридору с неестественной, нечеловеческой скоростью, ступени широкой лестницы мелькали под ним, едва успевая ощутить его прикосновение. Он проносился мимо испуганных слуг, которые жались к стенам, прячась в глубоких темных нишах, словно мыши, застигнутые светом. Мимо разбитых хрустальных ваз, осколки которых хрустели под его ногами, мимо опрокинутых в спешке стульев и сорванных гобеленов — эти следы погрома указывали путь, по которому прошли незваные гости. Он ворвался на галерею главного зала и на одно короткое, как вспышка молнии, мгновение замер, осматривая сцену, развернувшуюся внизу.

Их было около двадцати. Крепкие, тренированные мужчины, закованные в черные кожаные доспехи, усиленные металлическими вставками. На груди у каждого сверкали в тусклом, колеблющемся свете свечей серебряные символы — стилизованное солнце с исходящими от него лучами-мечами, знак их Ордена. Их лица были скрыты за глухими шлемами и масками, но он видел их глаза — холодные, безжалостные, смотрящие на мир с непоколебимой уверенностью в собственном превосходстве. В них не было ни тени сомнения, ни капли сострадания, только концентрированная, чистая ненависть ко всему, что выходило за рамки их понимания. Они были вооружены до зубов: длинные мечи, тяжелые копья с широкими наконечниками, взведенные арбалеты с уже вложенными в них болтами. И их оружие, как он сразу заметил, было покрыто серебром. Тупые, невежественные глупцы. Серебро было смертельно для его низших собратьев, для тех жалких демонических существ, что питались страхом и гнилью, но оно не могло причинить ему настоящего вреда. Он был не просто демоном, вселившимся в тело. Он был чем-то гораздо большим, чем-то, что не подчинялось обычным правилам этого мира, чем-то, что эти жалкие насекомые не могли даже осознать.

В центре зала, словно скала посреди бушующего моря, стояла Леди Айрис. Ее изысканное домашнее платье из темно-синего шелка было разорвано на плече, обнажая тонкую ключицу, волосы, обычно уложенные в элегантную прическу, растрепались и упали на спину тяжелыми волнами. Но в ее глазах, широко распахнутых и смотрящих прямо на окруживших ее мужчин, горел тот самый вызов, та самая нестигаемая воля, которую он впервые увидел в ночь бала, когда она подошла к нему, чужому и опасному незнакомцу, без маски, не побоявшись ни его вида, ни пересудов. Она не боялась их. Она не боялась никого. И в этом абсолютном, иррациональном бесстрашии было что-то такое, что заставляло его сердце, принадлежавшее теперь и демону, и человеку, биться в хаотичном, болезненно-сладостном ритме.

— А вот и он, — проскрежетал один из охотников, тот, что стоял чуть впереди, указывая на галерею зазубренным наконечником копья. Его голос был низким, грубым, лишенным всякой мелодики, как скрежет металла о камень. — Демон. Чудовище. Мерзкий монстр в человеческой оболочке. Сегодня ты умрешь, тварь. Твоя власть над этим домом и над этой женщиной закончится здесь и сейчас.

Вместо ответа демон усмехнулся. Он сделал шаг вперед к перилам галереи, и в его усмешке, в изломе губ, в прищуре засиявших адским огнем глаз было столько ледяного, бездонного холода, что охотник, еще секунду назад такой уверенный в себе, на мгновение замер, почувствовав, как его непоколебимая уверенность начинает таять, словно воск под напором невидимого пламени.

— Вы пришли, чтобы убить меня, — произнес демон. Он не кричал, его голос был ровным, почти спокойным, но в этой спокойной глади таилась глубина, способная поглотить любого. — Вы явились сюда, в чужой дом, чтобы уничтожить то, чего вы не понимаете и чего боитесь. Это так предсказуемо. Но вы, жалкие смертные, понятия не имеете, на что вы идете. Вы не знаете, что я такое на самом деле. Вы даже представить себе не можете, что я могу сделать с вами, если перестану сдерживать себя, если дам волю тому, что живет внутри меня.

— Мы знаем достаточно! — ответил другой охотник, выступая вперед. Его маска была богаче, чем у остальных, украшена замысловатыми серебряными рунами, и в его голосе звучала та особая, фанатичная уверенность, которую дает только слепая, непоколебимая вера в свою правоту. — Мы знаем, что ты — низший демон, вселившийся в тело этого несчастного. Мы знаем, что ты — зло, порождение Бездны, которое должно быть безжалостно уничтожено во имя Света и всего живого. И мы сделаем это, даже если это будет стоить жизни каждому из нас. Наша смерть — это цена, которую мы с радостью заплатим за чистоту этого мира.

— Тогда вперед, — голос демона стал тише, почти шепотом, но этот шепот проник в самые кости каждого человека в зале. — Покажите мне, на что вы способны. Проявите свою хваленую доблесть. Покажите мне, как именно вы уничтожаете зло.

Охотник с рунами на маске резко поднял руку в перчатке, и его люди, повинаясь безмолвному приказу, бросились вперед. Они двигались слаженно, как единый многоголовый организм, как стая матерых волков, окружающих загнанную добычу. Их оружие сверкало в свете свечей, отражая сотни маленьких, пляшущих огоньков, которые дрожали и переливались на отполированном до блеска металле и смертоносном серебре. Они шли на него, и в их глазах пылала уверенность в скорой победе, в том, что они уничтожат его, что они очистят этот мир от его скверного присутствия, запишут свое имя в анналы Ордена.

Но они не знали. Они даже не догадывались, с кем им предстоит иметь дело.

Демон спрыгнул с галереи, приземлившись в центре зала бесшумно, словно хищная кошка. Он стоял неподвижно, встречая их атаку, и в его душе, в самых темных ее глубинах, поднималось что-то древнее, горячее, пьянящее. Это чувство было старым знакомым, которого он не видел уже несколько сотен лет — с тех пор, как покинул Бездну, с тех пор, как добровольно заточил себя в этой тесной человеческой оболочке. Это был азарт. Азарт охотника, который видит перед собой жертву, наивно полагающую себя сильнее и быстрее. Это был азарт верховного хищника, который точно знает, что он — вершина пищевой цепочки.

Первый из нападавших, высокий мужчина с плечами мясника и тяжелым двуручным мечом, уже занес свое оружие для сокрушительного удара. Он был уверен, что одним махом сможет разрубить противника пополам. Демон позволил ему приблизиться почти вплотную, а затем его тело совершило неуловимое, плавное, почти танцующее движение. Он ушел от удара, и тяжелый меч с грохотом вонзился в мраморный пол, высекая искры. В тот же миг его рука — тонкая, бледная, но обладающая нечеловеческой силой — сомкнулась на запястье охотника. Он сжал его легко, словно сжимал не кость и плоть, а сухую палку. Раздался отвратительный, мокрый хруст ломающихся костей, и демон, не останавливаясь, рванул руку на себя, отрывая ее от плеча с таким звуком, который заставил остальных нападавших замереть на долю секунды.

Фонтан горячей, темной крови брызнул на мраморный пол, и охотник закричал — высокий, пронзительный, нечеловеческий крик, полный чистой, ничем не прикрытой боли и первобытного ужаса. Но демон уже забыл о нем. Он уже двигался к следующей цели, его ноги несли его вперед, а руки превратились в размытые тени, наносящие удары с непостижимой скоростью. Он разрывал плоть, крушил кости, ломал шейные позвонки одним точным движением, уничтожая тех, кто осмелился угрожать ему и, что было гораздо страшнее, той, кто находилась под его защитой.

Он чувствовал, как его сила растет с каждым ударом, с каждым движением, с каждой смертью. Это была не просто физическая сила мышц — это была темная энергия самой Бездны, которая подпитывалась чужой болью, чужим страхом, чужой агонией. Он поглощал их предсмертные эмоции, как изысканное блюдо, наслаждаясь ими, впитывая их, используя как топливо для своего существования. Это было то, что он делал на протяжении тысячелетий внизу — питался чужими страданиями, чтобы существовать. И теперь, в этом физическом теле, в этом брэнном мире, он делал это снова, и это было так же упоительно, как и раньше.

Но даже сквозь эту опьяняющую пелену голода, даже сквозь жажду разрушения и пьянящий азарт боя, он помнил о ней. О Леди Айрис, которая стояла в центре зала, прижавшись спиной к холодной мраморной колонне, словно ища у нее защиты. Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд, и в ее прекрасных глазах застыло сложное, противоречивое выражение — смесь ужаса от происходящего, страха перед его жестокостью и чего-то еще, глубокого и тайного, что было так похоже на восхищение. Он не хотел, чтобы она видела это. Он не хотел, чтобы она была свидетельницей того, кем он был на самом деле, когда сбрасывал оковы человечности. Он не хотел, чтобы она видела, как легко он превращает живых людей в груды окровавленного мяса и сломанных костей.

Он сознательно старался держаться подальше от нее, уводя схватку в противоположную сторону зала. Он старался, чтобы кровавые брызги не долетали до ее платья, чтобы самые страшные моменты были скрыты от ее взгляда. Он двигался быстро, как размытая тень, как бесплотный призрак, оставляя за собой только падающие тела и затихающие крики умирающих. Те, кто пытался приблизиться к колонне, где стояла Леди Айрис, падали первыми, не успевая даже поднять оружие.

Они пытались сопротивляться, проявляя чудеса тактической выучки. Они пытались использовать арбалеты, посылая в него болт за болтом, но он был слишком быстрым, его движения были абсолютно нечеловеческими, чтобы человеческий глаз мог их предугадать. Болты вонзались в стены, в мебель, в тела их же павших товарищей, но не в него. Они пытались окружить его, взять в кольцо, но он ускользал из их ловушек с той же легкостью, с какой вода ускользает сквозь стиснутые пальцы. Они пытались использовать серебро, тыкая в него нако-

нечниками копий, и он позволял металлу коснуться своей кожи, чтобы они увидели — он шипит и дымится, оставляя легкие ожоги, но не причиняя ему настоящей боли. Их главное оружие было бесполезно, и осознание этого ломало их дух быстрее, чем его когти ломали их кости.

— Десять процентов, — прошептал он в короткой паузе между атаками, и его голос, тихий, словно шелест крыльев ночной бабочки, разнесся по всему залу. Охотники, которые еще оставались в живых, услышали его и почувствовали, как их сердца, закаленные в сотнях битв, сжимаются от ледяного, иррационального страха. — Я использую только десять процентов моей истинной силы. И этого более чем достаточно, чтобы стереть вас всех в порошок.

Они не понимали смысла его слов. Они не могли понять, что он был не просто демоном, не просто монстром, оккупировавшим тело человека. Их разум, ограниченный догмами их Ордена, не мог вместить того факта, что перед ними стоит существо, чья истинная сила была настолько велика, что могла бы разрушить само основание этого мира, если бы он решил высвободить ее полностью. И они умирали один за другим, так и не осознав, что они — всего лишь муравьи, которые в своей дерзости осмелились бросить вызов богу.

И в этот самый момент, когда хаос, казалось, достиг своего пика, один из охотников — самый молодой, судя по его еще неловким движениям и не до конца вытравленному страху в глазах — решился на отчаянный шаг. Бросив быстрый взгляд на бойню, которую учинял демон, он рванул в сторону, к колонне, где стояла Леди Айрис. Его глаза горели дикой ненавистью пополам с отчаянием, его меч был занесен для удара. Он, видимо, думал, что сможет взять ее в заложники, использовать как живой щит, чтобы остановить этот неудержимый кошмар. Схватив ее за руку, он резко рванул ее на себя, приставляя холодное лезвие прямо к ее нежному горлу. Его голос, срывающийся от страха и ярости, пронзил шум боя:

— Остановись, тварь бездны! — завизжал он. — Остановись немедленно, или я перережу ей глотку! Клянусь Светом, я сделаю это!

Демон замер. Его тело, только что бывшее вихрем смерти, мгновенно застыло в напряженной позе, как у пантеры, готовой к последнему, смертоносному прыжку. Он медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел на Леди Айрис. На ее испуганные, но все еще гордые глаза, на стальное лезвие, впившееся в ее кожу, на ее плечи, которые, как он заметил, дрожали, но не от страха, а от напряжения и гнева. И в его груди, в том месте, где, как ему казалось, уже не было ничего, кроме тьмы и голода, поднялось нечто совершенно иное. Это была ярость. Чистая, первобытная, всепоглощающая, священная ярость, которая требовала не просто крови, а полного, абсолютного уничтожения того, кто осмелился угрожать тому, что он считал своим. Этот человек прикоснулся к ней. Он причинил ей боль и страх. И за это он заплатит особую цену.

— Ты совершил ошибку, — произнес демон, и его голос был настолько тихим, что охотник едва слышал его сквозь звон в ушах. — Ты совершил непростительную, фатальную ошибку, когда решил угрожать ей. Ты совершил последнюю ошибку в своей ничтожной жизни, когда решил, что она может стать твоим щитом, твоим пропуском на свободу.

Он шагнул вперед, и в этот самый момент он перестал сдерживать ту часть себя, которую держал взаперти. Он использовал больше силы — не всю, даже не половину, но столько, сколько было необходимо, чтобы уничтожить этого конкретного человека так быстро, что тот

даже не успел бы осознать факт собственной смерти. Пространство вокруг демона словно сжалось, и он оказался рядом с охотником и Леди Айрис за немыслимую долю секунды. Его рука метнулась вперед и сомкнулась на запястье, сжимавшем меч. Он сжал его с такой чудовищной силой, что кости запястья превратились в крошево, издав звук, похожий на хруст раздавленного жука. Охотник взвыл от боли, его пальцы разжались, и меч со звоном упал на каменный пол. Демон, не глядя, отшвырнул его в сторону, словно тряпичную куклу. Тело охотника пролетело через весь зал и врезалось в противоположную стену с такой силой, что в каменной кладке образовалась вмятина, а сам он, оставляя на стене кровавый след, медленно сполз на пол и больше не двигался.

Леди Айрис стояла, все так же прижимаясь спиной к спасительной колонне. Ее глаза были широко открыты, и в них, наконец, читался тот самый ужас, который он так боялся увидеть. Она смотрела на него, на его руки, по локоть покрытые темной, дымящейся кровью, на его лицо, искаженное гневом и темной, потусторонней яростью, на его глаза, в которых больше не было ничего человеческого — только бушующее пламя Бездны.

— Кайл... — прошептала она одними губами. Ее голос был тихим, надломленным, испуганным, и от звука этого голоса он почувствовал, как его мертвое сердце сжимается от острой, почти физической боли. — Кайл, что ты делаешь?..

Он не ответил. Он не мог ответить. Как можно было объяснить ей, что он делал, если он сам не знал, где заканчивается его инстинкт защитника и начинается темное наслаждение убийством? Он знал только одно, и это знание было единственным якорем, удерживающим его от полного погружения в безумие: он должен защитить ее. Он не имеет права позволить никому причинить ей боль. Он готов уничтожить весь этот жалкий мир до основания, если это будет необходимо для ее безопасности.

Он резко повернулся к оставшимся в живых охотникам. Их оставалось пятеро. Их уверенность испарилась, словно утренний туман, ненависть в глазах сменилась животным страхом, а их хваленая сила и выучка стали бесполезными перед лицом его гнева.

— Убирайтесь, — произнес он. Его голос был холоден, как лед на дне Бездны. — Я дарую вам жизнь, которой вы не заслуживаете. Убирайтесь отсюда, пока я не передумал и не уничтожил вас всех до единого. Убирайтесь и передайте мои слова вашим лидерам, вашим магистрам и вашим святым. Если вы или кто-либо из вашего Ордена еще раз попытаетесь причинить вред мне или тем, кого я защищаю, я найду вас. Я приду за вами. Я не оставлю от вашей организации камня на камне. Я найду каждого, кто носит этот знак, я уничтожу их, и я сотру само воспоминание о вас с лица этой земли.

Им не нужно было повторять дважды. Они бросили все — своих раненых, еще живых товарищей, свое драгоценное оружие, свои знамена, все, что могло замедлить их бегство. Слышен был только топот их ног, удаляющийся в темноту парка, которая поглотила их, словно огромная голодная пасть. Их шаги затихли, их крики стихли, и в главном зале воцарилась та особенная, звенящая тишина, которая наступает после бури. В этой тишине остались только горы мертвых тел, удушливый, сладковатый запах крови и она — Леди Айрис, которая смотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать.

Он стоял посреди этого моря разрушения, его тело дрожало от перенапряжения, от темной энергии, которая все еще бурлила в его крови, требуя выхода, умоляя его продолжить,

убить всех, кто попадется под руку. Он смотрел на свои руки, покрытые коркой засыхающей крови, и чувствовал, как эта кровь жжет его кожу кислотой, как она напоминает ему о том, кем он был, и о том, кем он становился снова.

— Кайл, — ее голос раздался совсем рядом. Леди Айрис подошла к нему, переступая через осколки и тела, несмотря на весь ужас, который она, должно быть, испытывала. Она остановилась перед ним и, к его полному изумлению, положила свою теплую, мягкую руку на его напряженное плечо. — Кайл, пожалуйста, посмотри на меня.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Ее фиалковые, глубокие, как горные озера, глаза смотрели на него без страха, без осуждения, без ненависти. В них была только боль — глубокая, искренняя боль за него, за то, что он был вынужден сделать, за то, что этот мир превратил его в такое существо.

— Ты спас меня, — сказала она, и ее голос был почти шепотом, но в нем была удивительная твердость. — Ты спас меня, несмотря ни на что. Ты не должен чувствовать себя виноватым за то, что защищал меня и свой дом.

— Я не чувствую себя виноватым, — ответил он, и его голос прозвучал хрипло, почти грубо, словно он разучился говорить. — В этом-то и ужас. Я чувствую только одно — азарт. Я наслаждался каждой секундой этого. Я наслаждался их страхом, их болью, их смертью. Я пил их агонию, как вино. И это пугает меня больше, чем все ваши Охотники вместе взятые.

Она замолчала, внимательно глядя на него, и в ее глазах промелькнуло что-то глубокое и сложное — понимание, сострадание, принятие, которое было глубже, чем просто жалость.

— Ты не монстр, Кайл, — сказала она, и ее голос был твердым, почти уверенным. — Монстры не чувствуют того, что чувствуешь ты. Им неведомо чувство вины, они не знают, что такое страх перед самим собой, им незнакома... любовь. А ты знаешь. Ты знаешь все это, и это делает тебя человеком. Гораздо более человеком, чем те, кто пришел сюда убивать.

Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, и в его душе, где раньше был только пепел, поднялось что-то теплое, живое, что-то, что не было ни голодом, ни азартом. Это было похоже на робкую, почти забытую надежду. Она видела его. Она видела его в самый страшный момент его падения, видела его истинное лицо, его проклятие, его темную сущность, вырвавшуюся наружу. И она не отвернулась. Она приняла его таким, каким он был, и это было больше, чем он мог когда-либо надеяться. Это было откровением.

— Спасибо тебе, — прошептал он, и его голос был почти неслышен. — Спасибо, что не боишься меня. Ты даже не представляешь, что это для меня значит.

Она улыбнулась ему, и в ее улыбке было столько тепла, столько света, что он почувствовал, как его сердце начинает биться быстрее, наполняя ледяную пустоту в груди чем-то живым и горячим.

— Я никогда не буду бояться тебя, Кайл, — сказала она. — Ты спас меня. Ты защитил меня ценой своей души. Ты доказал, что ты не тот, кого они называют монстром. Ты — тот, кого я знаю.

Он кивнул, не в силах сказать ни слова, и чувствовал, как его тело постепенно успокаивается, как дыхание становится ровнее, а безумный азарт уступает место глубокой, всепоглощающей усталости и облегчению. Он стоял посреди зала, среди мертвых тел и запаха крови, и смотрел на эту женщину, которая стала для него путеводным светом в бесконечной тьме.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он внезапно охрипшим голосом. Это решение пришло к нему спонтанно, но было абсолютно твердым. — Я хочу показать тебе, кем я был, кем я стал, кем я могу стать. Я не хочу больше тайн между нами. Я хочу, чтобы ты знала правду, какой бы страшной или отвратительной она ни была.

Она посмотрела на него, и в ее глазах он увидел готовность — абсолютную готовность узнать, принять и, возможно, быть рядом с ним, несмотря ни на что.

— Я готова, — сказала она просто. — Я готова узнать правду, какой бы она ни была.

Он протянул ей свою окровавленную руку, и она, не колеблясь ни секунды, взяла ее своей чистой, изящной ладонью. Ее пальцы были такими теплыми, мягкими и живыми, что это прикосновение стало для его израненной души лучшим бальзамом, который он когда-либо знал.

— Идем со мной, — сказал он. — Я покажу тебе, что на самом деле значит быть демоном.

Они вышли из главного зала, оставляя позади груды мертвых тел и разрушение, и пошли по коридору. Вокруг было темно и мучительно тихо, и только эхо их шагов разносилось в ночной тишине. Он вел ее в свою комнату — единственное место в этом доме, которое он мог назвать своим убежищем, где он мог снять маску, не боясь, что она убежит или в ужасе отвергнет его.

Когда они подошли к его двери, он остановился и в последний раз испытующе посмотрел на нее.

— Ты абсолютно уверена? — спросил он. — Пути назад уже не будет. Ты уверена, что действительно хочешь это увидеть?

Она кивнула, и в ее фиалковых глазах была такая решимость, которую он не встречал ни у одного человека из всех, кого ему довелось встретить за свою бесконечную жизнь.

— Я уверена, — сказала она твердо. — Я хочу знать все. Я хочу знать, кто ты есть на самом деле, без масок и притворства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.